

■ ■ ■
М И Х А И Л
К Р Е П С

БУТОН
ГОЛОВЫ

МИХАИЛ КРЕПС

БУТОН ГОЛОВЫ

ENCOUNTERS

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, 1987

**Copyright © 1987 by Michael Kreps
All rights reserved**

**Обложка работы Александра Коронатова
Cover design by Alexander Koronotov**

**ENCOUNTRES
7738 Woodbine Avenue
Philadelphia, Pa 19151
USA**

Library of Congress Catalog No. 87-30373

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Номо Lybopytiens	
Подними как раковину	11
Построить скворечник	12
Песенка о любви	13
Новая порода	14
Дар речи	15
Чужой свет	16
Прибой	18
Магазин антикварной игрушки	20
Так говорят попугаи	21
Набор улыбок	23
Топор Ивана Карамазова	25
Мир моей матери	27
Белые всадники	30
Друг через друга	31
Взгляд лесоруба	32
Бутон головы	33
В начале было яблоко	34
Пифагор горизонта	36
Квадратики жизни	38
Коровы слушают Бетховена	39
Двое	40
Вокзальные лица	42
Так бывает	43
Коровьи ангелы	44
Книжное дерево	46
Номо Lybopytiens (мысли Буратино)	47
Птичка и Пушкин	48
День возвращенья бабочек	49
Я купил старую лодку	51
Двадцатый век	52
Морской пейзаж с бабочкой и стаканом	53
Лэнсинг	54

Укрощение пса	56
Марки	58
Любовь втроем	59
Чудеса двадцатого века	60
Какого цвета эхо	62
Метаморфоза	63
Умный кентавр	64
Туфли	66
Живой маятник	67
Татьяна Ларина	68
Борьба за кусок пирога	70
Семечко слова	71
Белый лодочник	72
Форма зависти	73
Женщины и лошади	74
Символ веры	75
Отец Сергей	76
Глиняная родина	78
Двухфокусное зеркало	79
Камни	80
Ветер разыгрался	81
Машинка	83
Зимний пейзаж с двумя петухами	84
Трактат о прошедшем времени	85
Превышение скорости	88
Счастливого плаванья	91
Чучело времени	
Букет расхожих истин	95
Цветок в петлицу	97
Кольцо	98
Праздники в Тамбове	
1. Ленинград—Тамбов	99
2. Окно	101
3. Демонстрация	101
4. Общежитие	102
5. Дядья	103

6. Вестибулярный аппарат	104
7. Утро I	105
8. Утро II	105
9. Прогулка	106
10. Проводы	106
11. Тамбов—Ленинград	107
Листопад неудач	109
Хитрые существа	110
Пора любви	111
В преддверье сентября	112
Пасьянс с бабочкой, переходящий в бридж	113
Снегурочка	114
Пружинные люди	115
Звездопад	116
Русское древнегреческое	117
Зимний день в датском королевстве	118
Золушка	119
Лунная стрекоза	120
Белые посты	121
Двое на скамейке	122
Никто не поймет	123
Колокольчик	124
Гамлетомания	125
Пенелопа	127
В Пятигорске	128
Театральная ночь	129
Взлет весла	131
Дом под парусами	132
Друзьям детства	134
Сентябрь для фортепьяно с ветром	136
Ода на съедение капустного кочана	137
Дафнис и хвоя	138
Розовый рассвет	140
Взгляд из мышеловки	143
Старый Колумб	144
Другу-стихотворцу	145

Человек превращается в саксаул	147
Весна головы	148
Тайная свобода	149
Причина	150
Узоры прожитого дня	151
Вдоль по Питерской... ..	153
Юность и зрелость	155
В цирке	157
Потеряно стремя	158
Виражи	159
Под яблоней	161
Попытка оседлать Пегаса	162
Сентиментальное путешествие	163
Закордонные страдания	166
Память	168
Иголка в стоге	169
Чаепитие с Бродским	171
Странное облако	173
Репортаж с метлой в руке	174
Чучело времени	176
Осенний стриптиз	177
Бумажные ласточки	179
Космос, Петербург, плечо	180
Колыбельная	182

ОТ АВТОРА

Книга "Бутоны головы" фактически объединяет под своим заглавием два разных и в разное время написанных сборника. Первый из них "Homo lubopytiens" включает стихи последних лет (1985—87), то есть хронологически является продолжением моего первого опубликованного на Западе сборника "Интервью с птицей Феникс" (издательство "Третья волна", Париж—Нью-Йорк, 1986). Второй — "Чучело времени" объединяет некоторые ранние вещи ленинградского периода (1962—1973) и первых лет эмиграции. Некоторые из стихов как первой, так и второй части появлялись в следующих журналах и книгах русского Зарубежья: "Континент", "Время и мы", "Новый журнал", "Современник", "Стрелец", "Встречи", "Голубая лагуна" и "Русские поэты на Западе".

HOMO LUBOPYTIENS

ПОДНИМИ КАК РАКОВИНУ

**Подними как раковину с прибрежного песка
Мое стихотворение.**

**Прислушайся
К гулу незнакомой жизни,
К звукам забытого языка,
К мелодиям незамкнутого пространства.**

**Прохожий, если у тебя есть время,
Подними раковину с прибрежного песка.**

ПОСТРОИТЬ СКВОРЕЧНИК

Каждый может построить скворечник,
Но делает это не каждый.
Потому так много на свете
Бездомных скворцов.

А почему, собственно, мы
Должны строить им
Скворечники?
Кто позаботится о нашем жилье?
Может быть, боги?

Но понимают ли они наш язык
Лучше, чем мы скворчиный?

И, наконец, дана им наука вить гнезда.
Пусть и покажут свое мастерство
Себе же на пользу.
Нечего баловать птиц!
И так им дано слишком много.

Каждое утро над головой раздаются
Птичьи молитвы.
Сердитые боги спешат на работу
И не обращают внимания.

Каждый может построить скворечник,
Но делает это не каждый.

ПЕСЕНКА О ЛЮБВИ

Если остановиться в гостинице у моря,
По утрам волны будут танцевать на потолке,
А зеленый сосновый воздух
Будет говорить о мире и беззаботности.

Я узнаю почерк морского ветра,
Несущего дыхание чуждых стран,
На белом песке, которому миллионы лет.
Сколько рук трогали этот песок?

Пролетающая чайка
С глазами влюбленной десятиклассницы
Напомнит мне,
Как упруг утренний воздух,
А полая ракушка,
Забытая временем на песке,
Споет мне песенку о любви,
Не изменившуюся за сотни лет.
Скольким она ее пела?
Споет и мне.

НОВАЯ ПОРОДА

**Птица в клетке летит по небу,
Птица в клетке говорит по-русски,
Птица в клетке забыла свое имя,
Но помнит, как называется клетка.**

**Птица в клетке летит по небу,
Люди оставляют котлы и лопаты,
Люди поднимают ко лбам ладони,
Люди щелкают языками:
Какая удивительная новая порода —
Одновременно и птица и клетка!**

ДАР РЕЧИ

Вот я выдумал несуществующего мужчину,
И вот я выдумал несуществующую женщину,
И поместил их на пляже на берегу моря,
И дал им глаза и губы и дар речи.

И вот они идут босиком по пляжу,
И каждый отражается в зрачках другого,
И теплый воздух наполняет им легкие,
И они обмениваются простыми словами,
Которым я научил их недавно.

И вот я слышу — мои слова потеряли смысл,
Мои слова из моих стали их словами,
Они за ними скрываются, как лодки за горизонтом,
Я все еще слышу их, но больше не понимаю,
Они украли мои слова и уходят с пляжа.

ЧУЖОЙ СВЕТ

Проезжая мимо старого места жительства,
Я смотрю на свет горящей в окне лампочки,
Когда-то символизировавший, что домашние — дома
И что я не приду в пустую квартиру.

Теперь этот свет ничего не значит
Для меня.
Ничего не значат
Стены, между которыми прошла
Часть моей жизни.

На месте, где стояла книжная полка, виднеется пианино.
На гвозде из-под батонов Магритта висит гитара.
В моей квартире поселился любитель музыки,
Поклонник Вивальди или Окуджавы.

Где наши слова, щебетавшие по утрам в гостиной?
Где ночные вздохи? Отпечатки нетерпеливых взглядов
На оконном стекле?
Разноцветные блики на потолке
В новогодние ночи?
Планы на будущее? Заздравные тосты?

Я смотрю на чужой свет, который когда-то был моим.
Свет, до которого мне теперь нет дела.

Гудок стоящей позади машины
Нетерпеливо напоминает мне о том,
Что глазок светофора сменился на зеленый
И что надо ехать.

Нажимая на акселератор,
Я поворачиваю голову,
Чтобы посмотреть в последний раз
На чужой свет.

Водитель задней машины, как видно, прав.
Надо ехать.
Надо ехать вперед.

ПРИБОЙ

Берег напоминает старое выцветшее пальто,
Скамейка с надписью "осторожно, окрашено!"
отпугивает влюбленных,
Прибой шевелит старые доски, огрызки лото,
Обезглавленные бутылки и просоленные
Крабы панцири.

Где-то на дне океана
Огромная рыба отращивает глаза,
Чтобы взглянуть на чужие забавы:
Пену бумажных стаканов,
Взмывшего в воздух туза,
Гамлета змея, мечущегося
то нале-, то направо.

Незначашие слова порхают как мотыльки
С губ на губы в поисках своего глагола,
Знаменуют игру со временем в поддавки
Махровые полотенца для прикрытия
признаков пола
И возраста.

Главное в наши дни
Создать видимость дружбы, но избежать соучастья,
И вместо привычного "Сохрани..."
Билетик, вытаскиваемый на счастье
Цветным попугаем: "Будьте готовы.
Вас ждут большие перемены.
Будьте готовы".

МАГАЗИН АНТИКВАРНОЙ ИГРУШКИ

Главное — уцелеть в первой жизни.
Не сломаться.
Не потерять головы.
Сберечь бусины глаз,
Руки и ноги.

Потом лет тридцать
Провести на чердаке
В пыльном забвении
Среди пауков и усопших мошек,
Где-нибудь между рваным матрацем
И хромой этажеркой.

И вдруг однажды увидеть свет,
Небо, деревья, людские глаза
(Которые покажутся отдаленно знакомыми),
Лампы и магазины.

Снова красоваться на видном месте
(Может быть, даже сидеть в витрине)
В кокетливой позе
С биркой цены на правой ноге,
Чувствуя на себе восхищенные взгляды
Проходящих детей, а чаще — взрослых.

Сидеть и ждать прихода второй жизни
(Которая будет длиться дольше первой),
Смело глядя будущему в глаза,
Ибо главное превращение —
Старья в антиквариат —
Уже произошло.

Самое главное — миновать смерть.
То есть уцелеть в первой жизни.

ТАК ГОВОРЯТ ПОПУГАИ

С двадцати пяти лет
Человек начинает превращаться в попугая.
Повторяет чужие мысли, привычки, слова.
Носит то, что носят другие вокруг него.
Щелкает те же интеллектуальные семечки.

Хватая клювом решетку,
Делает вид, что хочет ее перегрызть.
Но за горсточку проса
Готов повторять, что угодно.

К пятидесяти годам перед нами
Уже вполне сложившийся попугай.
Такие обычно живут долго.
Ходят, выпятив грудь,
И кричат направо и налево:
Дуррак! Дуррак!

Попугаи не меняются —
Они лишь переставляют пластинку.
На смену: "Пушкин! Пешков!",
Приходит: "Пастернак! Мандельштам!"

При этом хвалят себя или тех,
Кого давно уже нет в живых.
Остальных ругают.
(Если от них ничего не зависит.)

Задача каждого попугая —
Превратить своего ближнего
В себе подобного.

Обычно они начинают так:

Пушкин, Пешков!
Пешкин, Пушков!
Мандельштам, Пастернак!
Пастерштам, Мандельнак!
Дуррак! Дуррак!

И так же кончают.

А ответить: "Сам дурак!" — некому.
Этому не учили.

Попугаям легко попасть на язык
Тем, кто не хочет на них походить.
Но обычно это желание исчезает.
Примерно с двадцати пяти лет.
Исключения только подтверждают правило.
Так говорят попугаи.

НАБОР УЛЫБОК

Я надеваю одну улыбку за другой —
Примериваю улыбки.

Вот улыбка уязвленного самолюбия, —
Советует продавец. —
Саркастическая улыбка — пользуется неизменным успехом.
Улыбка любовного смущения — очень нравится женщинам.
Улыбка недоверия,
Улыбка победителя,
Улыбка уличенного во лжи,
Улыбка безнадежности,
Улыбка для встреч знакомых на улице,
Двусмысленная улыбка,
Улыбка всепрощения,
Улыбка хитрости,
Ничего не значащая улыбка — последний крик моды.
Зловещая улыбка,
Игривая улыбка,
Улыбка на каждый день,
Выходная улыбка,
Злорадная,
Снисходительная,
Задумчивая,
Глуповатая,
Непринужденная,
Насмешливая,
Улыбка рубахи-парня,
Улыбка себе-на-уме,
Фотографическая улыбка,
Сексуальная,
Официально-деловая,
Укоризненная,

Печальная,
Прощальная,
Загадочная,
И так далее.
Советую вам взять весь набор.

Я выхожу из магазина с большим пакетом в руках.
На моих губах играет самоуверенная улыбка —
Теперь я готов к любой встрече.

ТОПОР ИВАНА КАРАМАЗОВА

Топор, запущенный в космос Федором Достоевским,
Точнее, Иваном Карамазовым,
Точнее, его чертом,
Кружится по орбите
Наряду с другими спутниками земли,
Кружками космонавтов,
Шахматными фигурами,
Бутылками из-под кока-колы,
Костями Белки и Стрелки
И тому подобной дребеденью.

Я сижу за письменным столом
В колыбели американской революции,
Смотрю в зимнее стеклянное небо
И не вижу ни одного спутника.
Есть ли в действительности
Между ними топор,
Или нет,
Не имеет для меня никакого значения,
Да и что для такого понятия как космос
Поправка на точность плюс минус топор?

Тем не менее топор существует
В той же мере,
В какой существует Иван Карамазов,
И его черт,
И даже сам Федор Достоевский.

Мысль о топоре
Всегда оказывается важней самого топора.
В этом секрет материального прогресса
И духовного самосовершенствования
(С незначительной поправкой на
Плюс минус топор).

МИР МОЕЙ МАТЕРИ

Понемногу исчезает мир моей матери.
В памяти немногих еще звучит
Эхо песенки "—тошка, —тошка, —тошка",
Но слова уже полустерты,
И никому не хочется их восстанавливать.

Есенин и Маяковский, жившие на губах,
Давно стали принадлежностью литературы,
На их место пришли другие кумиры,
А потом третьи, а потом четвертые.

Где вы, патефоны с заводной ручкой,
Игравшие песенки из популярных кинофильмов,
Цыганские романсы, арии из опереток:

"Этот веер черный, —пам-пам, пам, пам;

Веер драгоценный..."

"Тот из вас, кому хоть раз

В любви не повезло..."

Кто такая Любовь Орлова,
Фотографии которой
Родители находили под подушками
У юных пионеров?
Куда пропал дух гражданского энтузиазма?

"А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер,

Веселый ветер, веселый ветер!.."

"Чилавеку чи-ла-век!"

Где четырехугольный уличный громкоговоритель
Со страшными словами:

”Пятилетку в четыре года”, или

”От Советского информбюро”?

Юрий Борисович, ваш голос был голосом Родины.

”Далеко-далеко, где кочуют туманы...”

Где тысячи страниц газетной макулатуры,

Полные животрепещущих проблем:

Носить или не носить галстук?

Алкоголь — буржуазный пережиток

Или социальная распущенность?

Канарейка в клетке — мещанство или уют?

Кто помнит бурную дискуссию

”О любви в романах Мальшкина”,

Занимавшую молодые умы

Больше десяти месяцев?

Кто помнит вообще, кто такой Мальшкин?

”Отцвели уж давно хризантемы в саду...”

”Танго, эта старая пластинка

Напоминает мне...”

Она уже почти никому ничего не напоминает.

После смерти матери

Осталась картонная коробка

С тетрадкой переписанных от руки стихов,

Дюжиной пыльных пластинок,

Альбомом звезд советского экрана,

Тремя похвальными грамотами,

Театральными афишами, фотографиями вечеров встречи,

Рукописью сочиненного ею капустника

О каких-то никому не ведомых сослуживцах,

Паспортом деда-лишенца, похоронкой на брата,
Позеленевшими медалями

за то и за се,

Письмами, письмами, письмами.

”В запыленной пачке старых писем...”

Если рядом с коробкой
Поставить огромный газетный шар,
Скатанный из прочитанных за всю жизнь заметок,
Откликов, дискуссий, передовых статей,
Таблиц выигравшей трехпроцентного государственного
займа,

Сообщений под рубрикой ”Из зала суда”,
”Все на выборы”, ”Их нравы”,
”Нарушителям — бой!”, ”Быстрыми темпами”,
”Из зала суда”, ”Все на выборы”...

То получится незатейливая скульптура
С символическим названием:
”Мир моей матери”.

”Эх, хорошо, друзья, на свете жить...”

”А парень с милой девушкой...”

”Я из пушки в небо уйду,

В небо уйду...”

БЕЛЫЕ ВСАДНИКИ

Ничего не осталось от моего города,
Кроме коней с чугунными боками
И чугунными всадниками.

Я въезжаю в мой город
Белой ночью на белом коне,
Но уже не слышу ни бойкого марша,
Ни дыханья реки, лишь в тумане
Цок-цок-цок раздается копыт по асфальту.

Только всадники белые и чугунные,
Вечные жители полого города,
Только черный асфальт, отражающий эхо подков.
Цок-цок-цок — продолжается лет перекличка
В гулком воздухе памяти.
Цок-цок-цок. Белых всадников больше, чем черных.

Белых всадников с мраморными глазами,
Белых всадников, всматривающихся в карнизы,
Белых всадников, вслушивающихся в асфальт.

Цок-цок-цок — отвечает покинутый город.
Цок-цок-цок.

ДРУГ ЧЕРЕЗ ДРУГА

Люди проходят друг через друга,
Соприкасаясь умами и сердцами,
Старики через молодых,
Молодые через стариков,
Женщины через мужчин,
Мужчины через женщин,
Мертвые через живых,
Живые через мертвых.

Каждая встреча — расставание,
И каждое расставание — встреча,
И пока продолжается это движение
Друг через друга,
Это превращение жизни в память
И памяти в жизнь,
Не будет
Ни конца света,
Ни судного дня,
Ни ада,
Ни рая,
Ни смерти,
Ни воскресения.

ВЗГЛЯД ЛЕСОРУБА

**Чаще всего человек смотрит на дерево
Взглядом лесоруба —
Что из него можно смастерить?
Легко мечтателям и поэтам,
Лежа на прочных диванах
Рассуждать о красоте природы!**

**Я брожу по лесу и вижу деревья —
Будущие колыбели, серванты, гробы.
А что видят деревья, смотря на меня?**

**Елка прищурила стройный глаз.
Сосна глядит свысока.
Дуб — исподлобья.**

**Я прохожу и узнаю
Взгляд лесоруба.**

БУТОН ГОЛОВЫ

В часы одиночества расцветает бутон головы.
Медленно раскрываются гладкие лепестки,
Обнажая хрупкую бело-розовую изнанку,
Капли росы отражают многоликий мир,
Тычинки начинают с пестиком любовные игры,
Комната наполняется ароматом творчества,
И музы слетаются собирать сладкий нектар поэзии.

Тишину нарушает телефонный звонок:
"Я забыла выключить свет в уборной", —
Доносится взволнованный голос жены.
Бутон закрывается.
В зеркале туалета появляется
Нормальная круглая голова.
Потом и она исчезает.

В НАЧАЛЕ БЫЛО ЯБЛОКО

Принято считать,
Что цель жизни яблока
Попасть в компот,
Варенье или пирог.

Но вот лежат на осенней земле
Старые коричневые яблоки,
Давно сброшенные ветром с насиженных мест,
Покрытые вмятинами и морщинами,
Не подаренные ни Еве, ни Елене,
Ни иной красивой или некрасивой женщине,
Не явившиеся причиной мира или раздора,
Не послужившие делу познания добра и зла,
Не брошенные злой мачехой доверчивой падчерице,
Яблоки, не попавшие ни в историю,
Ни в человеческий желудок.

Скоро их покроет плотное одеяло снега,
Но еще долго маленькие белые бугорки
Будут выдавать их незримое присутствие.

Старые сморщенные яблоки,
Не укатившиеся далеко от яблони,
Ничем не удивившие мир,
Не вошедшие ни в одно кулинарное чудо,
Но дающие начало будущему яблоневому саду.

Старые коричневые яблоки —
Золотые яблоки вечной молодости,
Не нуждающиеся в охране
Ни Эглы, ни Эрифии,
Ни дракона Ладона.

Изредка подойдет к ним
Заяц или собака,
Перевернет на другой бок,
Понюхает и отойдет прочь.

Сморщенные коричневые яблоки,
Предоставленные ветру,
Времени
И самим себе.

ПИФАГОР ГОРИЗОНТА

Архитектор потолочных углов,
Альпинист подвалов и чердаков,
Дни и ночи прокладывает дороги

От дивана к шкафу,
От лампы к картине,
От старого матраса, поставленного на попу,
К чердачному окну восходящего солнца,
В котором блестит разноцветными вспышками
Легкий замок, слегка покачивающийся на ветру.

Первопроходец люстр и плафонов,
Гимнаст занавесок,
Бесстрашный п

а
р
а
ш
ю
т
и
с
т

и
з
в
е
с
т
к
о
в
о
г
о

н
е
б

а, ночной Архимед,

Не кричащий "не трогай мои чертежи!"

Уродливому титану, вооруженному шваброю и ведром,
Хитроумный Улисс, ловко лавирующий
Между Сциллой веника и Харибдой тряпки,
Диоген, хладнокровно смотрящий из бочки
на родное пепелище,
Сизиф, вновь и вновь катящий камень жизни в гору,
Восьмиглазый Растрелли,
Воздвигающий воздушные замки,
Прокладывающий дороги,
Наводящий мосты
Между прошлым и вечностью...

На тоненькой ниточке, соединяющей небо и землю,
Бесстрашно покачивается перед моими глазами
(Предвестниками буранов, потопов, шквалов,
Землетрясений, лавин, обвалов)
Вездесущий, вечный и бесконечный
Повелитель незанятого пространства,
Пифагор застекленного горизонта,
Паук, домашнее животное.

КВАДРАТИКИ ЖИЗНИ

Фотография — великое изобретение.
Дерзкая попытка остановить время.

И вот — блестящие результаты налицо:
Аккуратные квадратики остановленных мгновений
Во всей их сложности и пестроте
От чуть заметной усталости в уголках губ
До небрежно брошенной на пол пластинки,
С которой улыбается бородатый толстяк,
Являя пример квадрата времени в квадрате.

Сотни остановленных мгновений!
Раскладывай их по альбомам,
Помещай в рамку под стекло,
Тасуй как карты,
Меняй порядок событий и стран, —
Не бойся —
С прошедшим временем можно не церемониться.
Оно безобидно.
Оно безответно.

Но...
Чем больше коллекция квадратиков жизни,
Тем яснее,
Что время — неостановимо.
Некогда великие слова поэта
Превратились
В банальную скороговорку вертлявого ремесленника.
Между ними теперь нет разницы!

Фотография — жалкое изобретение.
Тщетная попытка остановить время.

КОРОВЫ СЛУШАЮТ БЕТХОВЕНА

Я поставил коровам Бетховена —
Коровы не удивились —
Они продолжали щипать траву
И гадать на ромашках.

Я поставил коровам Моцарта —
Коровы не шелохнулись —
Они продолжали отбрасывать тени
Круглыми животами.

Я поставил коровам Баха —
Коровы не встрепенулись —
Они продолжали махать хвостами
И мечтать о бессмертии.

Я выключил магнитофон и ушел с луга.
Коровы не испугались.
Они продолжали жевать, как люди,
Не заметившие исчезновения Бога.

— Музыка сфер, почему я тебя не слышу? —
Мысленно крикнул я, — почему-у?
— Му-у-у! — раздалось в ответ.
Я вернулся на луг и поставил коровам Бетховена.

ДВОЕ

Я сижу за столом и пишу стихотворение.
Я сижу за столом и не могу писать стихотворение.
Мне кажется, что кто-то глядит на меня сквозь замочную
скважину.

Я чувствую спиной чей-то пристальный взгляд.

Я поворачиваюсь и вижу голубой глаз,
Светящийся из замочной скважины.
Голубой глаз рассматривает меня с интересом.
Я вскакиваю со стула, открываю дверь — никого.

Я сажусь за стол и пишу стихотворение.
Спиной чувствую чей-то пристальный взгляд.
Оборачиваюсь — глаз.
Бросаюсь к двери, открываю — никого.

Я сажусь за стол и пишу стихотворение.
Я не могу писать стихотворение.
Сквозь замочную скважину — глаз.
Я надеваю пальто и шляпу, открываю дверь — никого.

Я иду по пустынной улице прочь от дома.
Из всех замочных скважин
На меня смотрят внимательные голубые глаза.
Я поднимаю воротник, надвигаю на брови шляпу
И стараюсь не смотреть по сторонам,
Но всем телом чувствую пристальные взгляды.

Я поворачиваюсь и быстро иду домой.
Перед тем как войти в комнату я наклоняюсь,
Чтобы посмотреть в замочную скважину.
В комнате за столом сидит поэт и пишет стихотворение.
Вдруг он поворачивается,
Чувствуя спиной мой пристальный взгляд.
Я резко открываю дверь, вхожу — никого.

Я снимаю пальто и шляпу,
Сажусь за стол и пишу стихотворение.
Я не могу писать стихотворение.
Спиной чувствую чей-то пристальный взгляд.
Бросаюсь к двери, открываю и

Вижу себя, возвратившегося с прогулки.
Мы садимся за стол, мирно беседуем, пьем чай.
Спинами чувствуем чей-то пристальный взгляд,
Но не обращаем внимания.
Теперь нам не страшно. Нас — двое.

ВОКЗАЛЬНЫЕ ЛИЦА

Вокзальные лица не похожи ни на какие другие.
Лица, лишённые интереса к окружающей жизни.
Лица, сосредоточенные на собственных мыслях.
Лица витязей на распутье.

Лица, уже оставившие "здесь",
Но ещё не приехавшие "туда",
Лица пассажиров Хароновой лодки,
Лица тех, кто проходит мимо.

Люди, идущие мне навстречу,
Улыбающиеся нездешней улыбкой,
Или наоборот, хмурящие треугольные брови,
Режущие глазами пасмурный воздух,

Люди, не держащие в руках билета,
Никуда не едущие ни сегодня, ни завтра,
Почему у вас вокзальные лица,
Люди, не спешащие ни на один поезд?

ТАК БЫВАЕТ

У художника было много времени.
Вернее, художник не думал о времени.
Как не думал о времени Архимед,
Погружаясь в ванну,
Как не думают о времени любовники,
Наслаждаясь друг другом.

Художник творил,
Художник
Наслаждался творением —
Чем дольше, тем лучше.
Но и об этом не думал.

Просто был увлечен творимым
Как ребенок игрой,
Терял чувство времени,
Растворяясь в игре.

Сначала любовно выводил букву.
Потом вокруг нее создавал орнамент.
Появлялись лица, гирлянды и звери.
Никто не смотрел через плечо.
Не ставил в пример чужие творенья.
Не кричал: "Так не бывает!"

Так бывает.
Когда время исчезает.
Когда нет ни друзей, ни денег.
Ни славы, ни сроков.
Тогда в искусстве бывает все.

КОРОВЬИ АНГЕЛЫ

Длинными жестокими ночами
В столице стекла и бетона
Над небоскребами летают
Гладкие крылатые коровы.

Сверкая нимбами и белками
Бродят по небесному Бродвею,
Жуют неземную жвачку
Из широкого звездного корыта.

Но вот прилетает ангел
С человеческим лицом и арфой,
С умными светлыми глазами,
С острым мечом у колена.

Он подходит к крылатой корове
С доверчивыми глазами,
Огненный меч вонзает
В летучее красное сердце.

Разрезает поникшую тушу
На удобные мелкие части,
Бесполезные нимб и крылья
Выбрасывает в черный воздух.

Вынув трубу золотую,
Благую весть возвещает:
"Насытим, братья, желудки
Летающим белым мясом!"

Оставив мечи и арфы,
Пируют жители неба,
Горячие куски заливают
Пенящимся нектаром.

Коровы кровавые нимбы
Прочерчивают белое небо —
Летающие тарелки,
Пугающие вставших смертных.

КНИЖНОЕ ДЕРЕВО

Отнесу в лес старую книжную полку,
И она пустит корни,
А весной распустятся мудрые листья
Книжного дерева,
По числу книг, когда-то стоявших на ней.

Каждый лист будет жить
Жизнью своей книги,
Отражая жилками ее запутанную интригу,
Питаюсь соками чувств и мыслей ее героев
И не зная об этом.

НОМО LUBOPYTIENS (МЫСЛИ БУРАТИНО)

Хорошо смотреть на нарисованный очаг,
В котором вечно горит огонь,
Весело потрескивают дрова
И из подвешенного на треноге котелка
Вырывается вкусный пар.

Нарисованный очаг всегда лучше настоящего:
Искры не летят на ковер,
Не нужно подбрасывать дрова,
Котелок никогда не падает,
Суп не перекипает.

Нарисованный очаг —
Наглядный образ неподвижного рая,
В котором ничто не течет и ничто не меняется,
Никто никому не нужен,
И ничто не удивляет.

Но человеку свойственно любопытство.
Даже деревянному.
Цель жизни — это проткнуть носом холст.
Посмотреть, что находится по другую сторону.

А если там ничего нет,
Закрывать глаза и помечтать об очаге,
В котором вечно горит огонь.

ПТИЧКА И ПУШКИН

Голубая птичка сидит на голове у Пушкина.
Хитро посматривает по сторонам.
Чистит перышки. Чирикает.
О чем-то думает.
Что-то замышляет.

А Пушкин ничего не замышляет.
Ничего не видит и не слышит.
Пушкин — бронзовый.
Пушкин — просто место,
На которое можно сесть.
Птичка даже не знает,
Что то,
На чем она сидит —
Пушкин.

ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ БАБОЧЕК

День возвращения бабочек в тот год
Ничем не отличался от таких же
Событий в прошлом. Как и год назад
Лавина желтых бабочек над парком
Остановилась. А потом, потом
Рассыпалась по солнечному небу
И разбрелась по веткам. Тот же дед
У фонаря, облокотясь на цоколь,
Стоял без слов, задрав кадык в зенит.

Никто не умер в этот год в поселке,
Никто не сел. Никто не утонул.
Цвела весна. Ближайшие колхозы
С лихвою перевыполнили план.
Мальчишки с разноцветными сачками
Наперевес бежали шумно в парк.
И голуби гуляли по аллеям.
И клумбы начинали расцветать.

Мир шел, как заведенные часы.
Не видно было только механизма.
Механик тоже не являл лица.
Отсутствия его не замечали,
Как в тихий день не замечают воздух.

Другое дело бабочки, они
Кружили хороводы, рассыпались
По парам, исчезали за газоном
В косом полете, появлялись снова,
Садилась то на розовый гранит,
То старику на фетровую шляпу,
То малышу на теплое плечо.
И каждая из них была минутой,
Порхнувшей из невидимых часов.

Все было так, как год тому назад.
Цвела весна, и улетало время
За горизонт, в бесшумные часы.

И возвращались мальчики из парка
С трепещущей добычей в кулаке.
Но кто-то шел с разорванной рубашкой,
Со сломанным сачком, с пыльцой на пальцах,
С ушибом, со слезами на глазах.

Издалека сачки были похожи
На бабочек. Но тут не в цвете дело,
А в сути. Ибо говоря по сути,
Сачок и бабочка одно и то же,
Пространство-время, сжатое в кулак,
Цветной комок двуполой жизни-смерти,
Легящая материя-пространство
И на губах порхающее слово,
Явленье-слово — бабочка-сачок.

Никто не умер в этот год в поселке,
Никто не сел, никто не утонул.
Старик, облокотясь на рьжий цоколь,
Ловил двойное время — год за два.
И маленький зеленоглазый ангел
На старой шляпе расправляя крылья,
Готовился в полет за горизонт.

Я КУПИЛ СТАРУЮ ЛОДКУ

Я купил старую лодку
И закрасил старое имя,
И поставил новый прочный парус
И новые весла.

Но ночами старая лодка
Наполняется странными голосами,
Но ночами старое имя
Кричит из-под новой краски.

Видно, краска слишком прозрачна,
Я сказал, и наутро снова
Я покрыл старую лодку
Вторым слоем и третьим.

— Поздравляем вас с новой лодкой, —
Завидовали соседи. —
Ах какая красивая лодка,
Гладкая и голубая.

Ночами старая лодка
Без слов стоит у причала,
Отражает блестящими боками
Танец лунных зайчиков на влаге.

— Я не помню, что было раньше, —
Беззаботно вздыхает лодка. —
Но я знаю — старое имя
Живет под тремя слоями.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Двадцатый век! Мой двадцатый век!
Ранним утром за окном
 проплывают батоны Магритта,
Соблазняя глаз продолговатой формой
 и хрустящей корочкой.

Над просыпающимся городом
 парит крылатая рыба,
Разрезая стенными часами упругий воздух.

Каменный синий маркиз де Сад
Штурмует пустым левым глазом
Недоступную Бастилию пивного ларька.

В соседнем окне голая Галатей
Любовно гладит безрукого Пигмалиона.

На площади музыкант в травяном плаще
Водит ловким смычком по лучам солнца.

Поэт проходит по пыльной улице
С бумажным корабликом под мышкой
 и попугаем на голове.

Летнее утро двадцатого века
Распускает бутон своего целомудрия.

Плавленные часы, свисающие с деревьев,
Показывают без пяти отчаяние.

МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ С БАБОЧКОЙ И СТАКАНОМ

Ощущение холодноватого песка
Между пальцами ног
На утреннем пляже
С двумя-тремя ранними посетителями,
Пришедшими за нежным
Ультрафиолетовым загаром,
Ветер, кольшащий солнечную слюду
На ребристой поверхности темной воды,
Незнакомая девушка,
Ловкими загорелыми движениями
Расстегивающая шелковую блузку,
Запах водорослей,
Разбросавших по берегу свои толстые луковицы,
И простая желтая бабочка,
Сидящая на граненом стакане лимонада,
Думающая о смысле жизни,
О Боге,
О хлебе насущном,
Или ни о чем не думающая.

ЛЭНСИНГ

Когда мы остановились в этой деревне
На несколько минут, чтобы заправить машину,
Я взглянул на пастбище
По другую сторону дороги,
И оно показалось мне странно знакомым.

Задумчивые коровы бродили среди одуванчиков,
Из которых вылетали черные кузнечики
С дымчатыми крыльями как у стрекоз —
Я раньше никогда не видел таких,
Но знал, как они устроены,
Как их нужно ловить,
И какие звуки они издают.

Я пошел вперед, но не наугад,
А как будто в уме у меня была точная карта:
Сейчас поверну налево, потом направо,
Потом появится школа, за ней будет церковь,
А потом откроется вид на мельницу и на речку.

Так и случилось.

Дом, в котором я жил, не сохранился.
Но я заглянул в деревянную школу,
На которой теперь висела табличка:
"Музей старинной мебели".

Почти все предметы на первом этаже
Вызвали во мне необъяснимое волнение,
А на крышке темной ореховой парты
Я увидел свое имя,
Которое однажды вырезал перочинным ножом.
Но имя было совсем другое,
Не то, которое я ношу нынче,
И все же я знал — это было мое имя.

Когда-то я жил в этой деревне,
Ходил в эту школу,
Ловил черных кузнечиков,
Пускал одуванчики по ветру.

Но что было после?
И что было до?

Вдруг я вспомнил ее название — Лэнсинг.
Лэнсинг! Впервые губы
Не почувствовали тяжести звуков
Иностранного языка.

— Лэнсинг, Лэнсинг, — повторял я, возвращаясь.

Мы поехали дальше.
Я в этой деревне впервые.
Слова ее языка мне чужие,
Кроме названия Лэнсинг.
Славное слово,
Легкое,
Как кузнечика черного крылья,
Как парашют одуванчика,
Как полустертое перочинное имя.

До свидания, Лэнсинг!
Кто я, Лэнсинг?
Вспомни меня, Лэнсинг!

УКРОЩЕНИЕ ПСА

Валентине Синкевич

Преклоним наши головы,
три твои и одну мою,
К музыке, проходящей через пальцы
в мохнатые уши,

Слушай мой голос, но знай:
это не я пою,
А Он, здесь, в царстве теней, через меня. Послушай
Эту песню, пес. Шесть твоих внимательных глаз
Недоверчиво смотрят на мою золотую лиру —
Я игрою немногих от смерти спас,
И прощения не принес ни себе, ни миру.

Пес, не причини мне вреда,
Не я
Повелеваю тебе, но голос искусства,
Проходящий через меня.
Отчего так пусто
В твоём царстве и тихо? Только журчит вода
Неживая вдали,
И растут негусто
Черные тополя.

Пес, мелодии в такт махая тугим хвостом,
Ты закрой глаза, а лучше ложись пластом
На бульжник
у ног моих,
чтобы слушать, как время тает,
Я когда-то и сам зверел от чужих разлук,
А теперь поднимаю лиру, как лук,
и звук,
Как стрела с тетевы,
со струны золотой слетает.

Пес, я играл бы тебе до утра, но вот
Меня в путь зовут незримые трубы
И губы

Женщины, для которой земля
Слишком узка, и которую звуки
Моей музыки не уберегли
Ни от яда, ни от вечной разлуки,
Но плывут надежды, как корабли,
В ожиданье которых

она простирает прозрачные руки
С берегов твоей окаянной земли.

Пес, ты был лучшим слушателем,
Ты был мной, я был тобой
Музыки нет, если некому слушать певца,
Я забыл, зачем я здесь, и какой судьбой
Связаны наши уши, и до конца
Дней гонимого зверя нам с тобой
Не дано отличать от удачливого ловца.

Пес, я знаю, музыка не спасает нас от беды,
Обнимая милую тень не натрудишь рук,
Хоть цепями бренчи, хоть лирой — напрасны труды,
Я нарушил запрет, оглянулся — пусто вокруг,
Лишь отталкивает следы
Стоп незримых земля,
И качает черные тополя
Черный ветер,
И неживой воды
Раздается вдали еле слышный звук,
Нимфа тает в воздухе,
И выпадет из рук
Лира, и расходятся по воде круги...

Пес доверчиво

смотрит в глаза человеку

и ест с руки.

МАРКИ

Старинные марки —
Маленькие разноцветные квадратики
С черными печатями посередине
Пейзажа или лица,
Аккуратно разложенные в целлофановых альбомах,
Предмет вожделения мальчишек и филателистов.

Марки, пересекшие горы и реки
На любовных, дружеских или деловых письмах,
Потеряли с ними всякую связь
И теперь уже навсегда позабыли,
Кто, кому и зачем их послал.

Конверты с письмами
Давно выброшены за ненадобностью,
Корреспондентов уже нет в живых,
А некогда самое неважное и незначительное
Приобрело вес, цену и место.

Как видно, бумага бумаге рознь.
А потому, отправляя письмо,
Не заботьтесь о содержании —
Самое главное в нем — марка.

Все, что нам остается, —
Это коснуться вечности кончиком языка,
Подумав: у вечности вкус клея,
Клея, который напоминает блеск глаз влюбленных,
Клея, который тает на языке, как слова молитвы,
Клея, который не оставляет следов,
Клея, который склеивает лишь раз.

ЛЮБОВЬ ВТРОЕМ

В пригороде Ленинграда,
На станции Осельки,
На опушке лысеющего леса,
Похоронен бюст товарища Сталина
Из красного уголка местной школы-десятилетки.

Второгодники-переростки,
Которых послали закапывать бюст
В наказание за неуспеваемость и курение в классе,
Думали, что на этом месте
Трава не будет расти.

Но трава растет.
Ей нечего делить с товарищем Сталиным.
Сталин траве не помеха.

На сталинской траве
Закатными вечерами
Иногда можно увидеть парочку,
Занимающуюся любовью.
Время идет. Лето сменяется летом.
На смену одной парочке
Приходит другая.
Но никто не жалуется
На сталинскую твердость.

Те, кто закапывали Сталина,
Уже не интересуются
Ласками на природе.
Те, кто приходят сейчас,
Ни о чем не знают.
Они даже не подозревают,
Что их трое.

ЧУДЕСА ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Чудеса будничной жизни двадцатого века:
Шум холодильника,
Который включается и выключается в тишине,
Женщина, нюхающая зимой в супермаркете дыню,
Тонкий слой пыли на экране телевизора,
Где можно написать твое имя,
И на пальце останется след
Твоего имени,
Хрупкие краски светофора,
Регулярно меняющиеся на ночном потолке,
Свернувшееся в пластмассовый калачик
Маленькое домашнее чудо,
Позволяющее наслаждаться голосом собеседника
В отрыве от его облика
И от собственного гостеприимства,
Перо, которое не нужно макать в чернильницу
(Дети уже не знают этого слова),
Печка, готовящая без дров,
Эскалаторы, фены, самолеты, презервативы
(Они же воздушные шарик),
Пишущие машинки, теснимые компьютерами,
Искусственные зубы, брильянты, почки, спутники,
Электробритвы, говорящие куклы, пенициллин,
Вощеная нить для зубной гигиены...

Как мы будем жить без всего этого,
Мы, привыкшие к чудесам, как к наркотику,
Если внезапно машина времени
Перенесет нас в шестнадцатый век?
Или в пятый?

Мы, привыкшие к ежедневному чуду,
Соблазнимся ли верой в наяд и фавнов?
Или просто верой в любое нечто,
Не оставляющее ничего на ладони,
Не оставляющее даже следа на пальце?

Зримость, легкость, доступность и польза —
Универсальный рецепт чуда двадцатого века.
Как мы сможем снова поверить в Бога,
С нашей каменной верой в человека?

Мы творим чудеса на работе, в гостях и дома.
Проживаем в стране чудес (отзовись, Алиса!)
Бог это тот, кто вставляет вилку в розетку.
Бог это тот, кто нажимает на кнопку.

КАКОГО ЦВЕТА ЭХО?

Если кричит дерево —

Эхо зеленого цвета.

Если кричит вода —

Эхо голубое.

Если кричит животное —

Эхо красное.

Если кричит человек —

Эхо цвета его крика.

МЕТАМОРФОЗА

С некоторых пор я перестал узнавать

Лица знакомых.

Идет знакомый, улыбается, произносит мое имя,

А лицо — незнакомое.

Что-то новое появилось в лице.

Что-то старое исчезло.

Что-то видоизменилось.

Что-то потеряло выражение.

Что-то приобрело новый вид.

Что-то утратило цвет.

Так много знакомых,

И ни одного знакомого лица!

УМНЫЙ КЕНТАВР

Современный мифотворец
Вплотил бы идею кентавра
В образе получеловека-
Полуавтомобиля.

По сравнению с ним
Древнегреческий смешной дуралей
Показался бы жалким неудачником.

Ни спидометра,
Ни ярких красок,
Ни мягких кресел
Для соблазнения слабого пола,
Ни кондиционера,
Ни крыши над головой.

Бедные кентавры!
В двадцатом веке им остается
Мирно щипать траву
И косить завистливым глазом
На преуспевающих соперников

Или в свою очередь
Создать миф
О полукентавре-
Полуавтомобиле.

Но что тогда делать с копытами?

**Впрочем, умный кентавр
Всегда найдет выход из положения.
К сожалению,
Их становится на свете
Все меньше
И меньше.**

ТУФЛИ

В темном углу прихожей,
В старом ореховом буфете,
Среди давно вышедших из моды
Или отслуживших вещей
(Плитка, рюкзак, лисий хвост, абажур)
Еще лежат мамины выходные туфли,
В которых она появлялась
В Эрмитаже и в филармонии.

Туфли, слышавшие Чайковского и Бетховена,
Весело стучавшие каблучками
По мраморным лестницам и мозаичным полам,
Лежат в темноте,
Никуда не выходят.

Под долгой осадой плесени и пыли
Они должны были бы превратиться
В толстых мертвых крыс,
А они сверкают зеркальным блеском.

Их давно пора выбросить на помойку.
Но раз в месяц отец вынимает их из комода,
Медленно проводит куском бархата
По гладкой коже
И ставит на место.

ЖИВОЙ МАЯТНИК

Черная птичка качается на трубочке тростника.
Из стороны в сторону: туда-сюда, туда-сюда.
Черная птичка отмеривает время мира.
Живой маятник, подвешенный к циферблату пруда.

Потом время мира птичке надоеда- :
Маятник резко срывается со стержня
И стремглав летит по кривой вдоль берега,
Сверкая на солнце красными погонами.

Свобода от времени — чувство,
Утраченное человеком навсегда.
Вместо этого он мечтает
О временной свободе,
О времени свободы,
В лучшем случае —
О свободном времени.

И мечты сбываются.
Иногда.

ТАТЬЯНА ЛАРИНА

Татьяна Ларина входит в избушку
На курьих ножках,
Граф Дракула предлагает ей стул,
На полу кот в сапогах лакает молоко
Из молочной реки, видимой из окна,
Кисельные берега сливаются с линией горизонта,
Змей Горыныч на дворе
Выясняет отношения с Медузой-Горгоной,
Плоды творческого воображения
Вытесняют реальную жизнь,
Иллюзорный мир расцветает во всем великолепии
Своей умозрительности,
И становится непонятно:
Человечество — это мы
Или только идея о нас
В сознании некоего Икса,
Живущего за тридевять земель
(Или за тридевять небес),
К которому мы испытываем
То ненависть, то благодарность.

Лишь порой в голове мелькает
Смелая мысль,
Что Икс относится к тому же миру,
Что и кот в сапогах,
И Татьяна Ларина,
И Медуза-Горгона,
И тогда
Мы запираем избушку на курьих ножках,
Кладем ключ в глубокий карман пальто
И выходим подышать свежим воздухом
Независимости и свободы.

Снег хрустит под ногами,
Звезды светятся над головой,
Баба Яга машет из окошка оренбургским платком,
Запылавшаяся Татьяна Ларина
Вручает список продуктов,
Кисельные берега сливаются с линией горизонта,
Железный ключ в кармане
Звенит о мелочь и холодит пальцы.
Свобода — осознанная необходимость,
Необходимость — свободное сознание,
Сознание — необходимая свобода.
Икс — это я, идущий по снегу к горизонту.

БОРЬБА ЗА КУСОК ПИРОГА

Из открытой машины вырывается барабанная дробь,
Голубь отважно идет вперед, маршируя в такт головой,
Штурмовать огрызок яблочного пирога,
Издает сердитый клек горловой,
Будто зрит в пироге своего врага,
Отгоняет сородичей, семенящих гурьбой
Вслед. Все пути хороши — лишь бы набить зоб.

Проходящий мимо машины жлоб
Зло пинает пирог носком сапога,
Пирогом описывается дуга
В воздухе
И в озеро — плюх! —
Брызги летят,
Но во весь дух
Чайка пикирует,
Глокает пирог налету
И, набрав опять высоту,
Оставляет ни с чем голубя и подруг.
В воздухе замирает звук
Барабанов и клетота. Кончен пир.
Меж пернатыми воцаряется мир
И дружба.
Но вдруг:
Снова дуга —
Из машины летит другой кусок пирога.

СЕМЕЧКО СЛОВА

Я сажаю семечко слова в землю,
Семечко пускает корни,
Прорастает
И распускается стихотворением.
Только взглянув на цветок,
Я узнаю,
Какое семечко я посадил.

БЕЛЫЙ ЛОДОЧНИК

Белый лодочник появляется из четвертого измерения,
Белый, как облако или как от боли таблетки,
Он подплывает бесшумно к затихшей постели,
Он помогает душе на корму спуститься.

Странно — душа имеет все очертания тела,
Только подвижна она, легка и прозрачна,
В облачной лодке сидеть ей легко и удобно,
Нет здесь ни ветра, ни брызг, ни соленой качки.

Белый лодочник погружает весло в пространство,
Белый лодочник отплывает от края кровати,
Он увозит душу в четвертое измеренье,
А оттуда в пятое, а потом в шестое.

ФОРМА ЗАВИСТИ

Когда старики, проходя
Мимо влюбленных,
Целующихся на улице,
Бросают осуждающие взгляды,
Что-то бурчат себе под нос,
Тычут узловатыми пальцами
В белые руки на спине и затылке,
Не обращайтесь внимания! —
Это форма зависти.

Уродливая старость
Бесится от сознания своего бессилья
И от боязни пустоты.
Поэтому с возрастом
На смену любви
Приходит мораль,
Которая тоже
Есть форма зависти.

Не обращайтесь внимания!
Пусть жалкая старость
Справляет поминки
По любви,
Тыча узловатыми пальцами
В пустое пространство.

А что ей еще остается делать?

ЖЕНЩИНЫ И ЛОШАДИ

**У женщин и лошадей большие глаза.
И добрые губы.
И любовь к полевым цветам.
И ласковым рукам.
Если бы не было женщин на земле,
Лошадь была бы воплощением
Женской красоты.**

СИМВОЛ ВЕРЫ

Нарисую корову и буду ей молиться.
Буду воспевать ее вымя,
Ее упругий живот,
Кофейные глаза.

О, корова, корова!
Сделай так, чтобы то,
О чем я тебя прошу,
Исполнилось.

Взамен обещаю
Повторять твое имя
Утром, днем и вечером,
Напиваться и наедаться
В твой день рождения,
Постоянно носить твое изображение
На золотой цепочке,
Раз в год не есть мяса
И ненавидеть всех,
Кто молится козе.

ОТЕЦ СЕРГИЙ

Одна девушка пыталась соблазнить отца Сергия.
Отец Сергий, дабы не поддаться соблазну,
Отрубил себе указательный палец.
В январе он отрубил мизинец.
В феврале — безымянный.
В марте — средний.
В апреле — большой.
В мае отец Сергий принялся за правую руку.
В октябре перешел на пальцы ног.
Когда пальцы на ногах пришли к концу,
Отец Сергий решил отрубить то,
Что ему следовало отрубить в первую очередь,
Но ему нечем было ухватить топор.

В новогоднюю ночь
Раздосадованный и совершенно беспальный отец Сергий
Ушел из монастыря,
Вернее, уехал
На специальной инвалидной коляске
С зубным управлением.

В настоящее время отец Сергий,
В миру Степан Дмитриевич Касатский
Получает пенсию по инвалидности
И живет в гражданском браке
С одной очаровательной особой,
Той самой девушкой,
Которая пыталась соблазнить его.
Как видно, отсутствие пальцев
Для семейной жизни не помеха.

Время от времени
Степан Дмитриевич
Любовно поглядывает
На злополучный топор,
Висящий в стеклянном футляре
На одной из стен
Своей трехкомнатной кооперативной квартиры
И слегка улыбается в поседевшие усы,
Вспоминая свою полную бурными событиями молодость.
Особа говорит, что в эти минуты
Он напоминает ей Джиоконду.

Лев Толстой, висящий на противоположной стене,
С этим категорически несогласен.
Он смотрит на влюбленных укоризненно
И грозит им обоим указательным пальцем.
С ним бы такой промашки не произошло.
На то он, как говорится, и Лев Толстой.

ГЛИНЯНАЯ РОДИНА

Цветок, растущий из земного шара,
Похож на цветок из глиняного горшка.
Неволя и воля цветут одинаково,
Но приносят неодинаковые плоды.
О моя золотая планета!
Моя глиняная родина!

ДВУХФОКУСНОЕ ЗЕРКАЛО

**Глаза — двухфокусное зеркало,
Отражающее внешний и внутренний мир,
Песни и тело,
Мысли и облака.**

**Глянув в глаза стоящего рядом,
Ты увидишь свое отражение,
Но себя не узнаешь.**

КАМНИ

Вечером у берега моря
Камни открывают глаза
И смотрят на звезды.

У каждого камня — своя звезда,
Та самая, луч которой
Проходит через его зрачок.

Душа камня
Поднимается вверх по лучу к звезде
Быстро,
Со скоростью света,
И проводит на ней ночь.

Днем камни притворяются спящими:
Неподвижно лежат на теплом песке
И делают вид,
Что их ничто не волнует.

Даже когда мальчишки
Бросают их вдоль воды,
Чтобы они показали свою прыгучесть,
Камни спокойно идут ко дну
И ждут Воскресения.

Они верят, что когда-нибудь
Волны их снова вынесут на берег,
И они снова увидят звезды.

Лишь немногие
Открывают глаза
И смотрят на звезды сквозь воду.

ВЕТЕР РАЗЫГРАЛСЯ

Ветер можно увидеть
Прямо у выхода из универмага.
Сегодня он как-то особенно
Прилипчив и нахален.

С мужчин срывает шляпы,
Швыряет их на панель.
Мужчина, шепотом (а иногда и вслух)
Ругаясь,
Потешно семенит за шляпой,
Неуклюже нагибается,
Но в этот момент
Ветер пинает носком ботинка
Шляпу,
И та быстро катится дальше,
Радостно сверкая белизной подкладки.

С женщинами игры
Смелее и разнообразней.
Особенно ветер неравнодушен
К шелковым платьям:
Интересно, какого цвета у этой комбинация,
А у этой?

Любимая забава ветра —
Плотно прижать прозрачными пальцами
Платье к телу
Так, что обнаруживаются
Упругие округлости
Грудей, живота и ягодниц,
Четкие контуры треугольника трусов,
Линии бедер и коленей.

В эти минуты
Ветер представляет себя скульптором,
Этаким ветреным Роденом.

Женщины ахают,
Крутятся,
Придерживают подолы,
Стараются увернуться
От прозрачных ладоней.

Но все — напрасно.
Ветер не унимается.

В восемь часов универмаг закрывают.
Бродяга нехотя покидает скамейку.
Больше он ветру не завидует.

МАШИНКА

Пишущая машинка старой марки
(Таких давно уже нет в продаже)
Списывается за ненадобностью на металлолом
Из имущества Верховного суда.

Машинка — рядовой солдат,
Оказавшийся случайно здесь
(А мог бы оказаться там),
Машинка, на протяжении пятнадцати лет
Подписывавшая смертные приговоры,

Отстучала свой срок.

А могла бы
Составлять жизнерадостные поэмы,
Или писать отчеты о колхозных успехах,
Или брать интервью у деятелей искусства,
Или...

Но не все ли равно?
В эпоху подписания смертных приговоров
Все пишущие машинки
Выполняют одно общее дело.
Рядовой солдат есть рядовой солдат.
Не здесь, так там.
Не здесь, так там.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ С ДВУМЯ ПЕТУХАМИ

На крыше петух заржавел
и не показывает ветру дорогу.
Петух на дворе атеистом стал —
не молится петушину богу.
И девичьим утром,
когда на земле кукарекает вьюга,
Два петуха
глядят с презрением
друг на друга.

ТРАКТАТ О ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ

Счастливы живущий настоящим временем,
Наблюдающий солнечный свет
и падающие листья,
Жующий свеженамазанный бутерброд
с краковской колбасой,
Читающий сегодняшнюю газету,
Ждущий приближающийся трамвай.

Но вот входят люди
И выходят люди
С тяжелыми мешками памяти,
Туго набитыми прошедшим временем,
Но шаг их уверен и молод,
Спины их не сгорблены,
Одеты они так же, как все,
И только отсутствие цепкости во взгляде
И целеустремленности на челе
Делает их непохожими на окружающих.

Невидимая ноша прошедшего времени:
Речи, боги, гипотезы, тридцатилетняя война,
Каин, Нерон, луддиты, "Быть или не быть",
Ручные рубила, саркофаги, "Униженные и оскорбленные",
Тамара Платоновна Карсавина,
Окончившая театральное училище по классу Гердта,
Иммануил Петрович Кант,
Профессор критической философии в городе Кенигсберге,
Бином Ньютона, план Маршалла, палочки Коха,
Евреи, собирающие манну в пустыне,
Греки, ведомые в бой слепым певцом,
Deutschland über alles!
Et tu, Brute!
Laudetur Jesus Christus!
Madame Bovary c'est moi.

Опыт жизни тысяч и тысяч
Разных веков и разных народов
Бесценный и никому не нужный,
Не научивший ни одного человека
Ничему.
Чужой опыт через третье лицо не передается.
А вокруг одни третьи лица.
Океания третьих лиц!
И потому каждый проходит
Своим путем,
Принимает свои решения,
Делает свои ошибки.

Разве можно любить ближнего своего,
Если он тебя ненавидит?
Подставлять третью щеку,
Если их только две?
Кто раздает свои деньги бедным?
Молится за врагов?
Двигает верой горы?
Скорей горой можно сдвинуть веру.

Что толку от всех премудростей и учений,
Если сосед ссорится с соседом
Из-за мяча, залетевшего в сад?
Лая собаки? Цвета кожи?
Что толку от опыта прошедшего времени,
Если число убитых от руки человека
(И от головы)
С каждым веком все больше и больше?
Рост убийств
Прямо пропорционален
Росту цивилизации.

За спиной необъятные пространства времени,
Конгломераты событий, миллиарды жизней,
А впереди один завтрашний день.
Каким он будет для человека?
Для человечества? Для вселенной?

Суета сует!
Dum spiro, spero!
Je pense, donc je suis!
Дайте мне рычаг, и я переверну весь мир!

Человек с тяжелым мешком за спиной,
Туго набитым прошедшим временем,
Остановился и смотрит на белку,
Ловко снующую в желтых листьях.

Счастлив живущий сегодняшним днем.
Счастлив не оглядывающийся назад.

Расстройство по поводу штрафа
за просроченную стоянку
или превышенную скорость,
Свобода безнаказанно матернуть
зарвавшегося водителя
или заезавшегося пешехода,
Вернейшая тема для разговора как с низколобым,
так и с высоколобым собеседником,
Чувство гордости за двадцатый век,
превративший кротких двуногих
в свирепых четырехколесных.
Притворная ностальгия по лошадям и каретам,
знакомым по писателю-графу и кинематографу.
Оттопыренный большой палец
незнакомой юной шатенки:
захочу — возьму, захочу — проеду.
Лопнувшая шина как универсальный способ
оправдать любое опоздание.
Захватывающее чувство усиленного ритма жизни
при полной физической неподвижности.
Смятка из перьев голубя,
сдуру положившегося на природный
глазомер,
Смеющиеся фотографии несчастных
на голубом экране,
Озабоченные лица полицейских
и заплаканные домочадцев.
Очевидно, абсолютное добро — такая же утопия,
как и абсолютное зло.
Грозный и сладкий век скрежещущих тормозов
и головокружительных скоростей!
Наверное, верблюды, слоны, лошади,
ослы, олени, собаки (и что бишь еще?)
были безопасней.

И, вероятно, надежней.
И дешевле.

Но не было
Ни той скорости,
Ни того риска,
Ни гордости за человеческий разум,
Которому Бог иногда покровительствует,
Иногда завидует
И никогда не прощает.

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНЬЯ

Я открываю дверь
И вхожу в комнату
С беличьей дверью,
Я открываю беличью дверь
И вхожу в прихожую
С музыкальной дверью,
Я открываю музыкальную дверь
И вхожу в гостиную
С морской дверью,
Я открываю морскую дверь
И выхожу на палубу,
Солнце сужает мои зрачки,
Ветер расширяет легкие,
И двухголовая деревянная чайка
Садится мне на плечо:
"Счастливого плаванья, капитан!
Счастливого плаванья!"

ЧУЧЕЛО ВРЕМЕНИ

БУКЕТ РАСХОЖИХ ИСТИН

Пролог занятнее эпилога.
Пророк всегда представимей Бога.
Порок притягательней, чем подруга.

В бою погибают первыми пешки.
Орел не приемлет сторону решки.
Не все, что желто и кругло — орешки.

Козлик игривей, чем рожки да ножки.
Ножки разборчивей, чем босоножки.
Поллитрушка сговорчивей Белоснежки.

Джин обычно не в нашей бутылке.
Легче, чем в лица, плевать в затылки.
Чаще в тюрьму сажают за толки.

Нетто в искусстве важней, чем брутто.
Юлий — причина известности Брута.
Оборот понятнее оберюта.

Казбич добродетельнее Азамата.
Кабинет удобнее каземата.
Казанова опаснее Квазимодо.

Давидов в жизни бьют голиафы.
Бесстрашных тиранов пугают строфы.
Пуристов бесят анаколумы.

Алкорана проще марихуана.
Дон Кихот счастливее Дон Жуана.
Дульцинеи доступнее Донна Анна.

**Столбовые пути зачастую путы.
Гулливеров высмеивают лилипуты.
За поэтов принимаются логопеды.**

**Слухам дурным нет нужды в конверте.
Гениев признают после смерти.**

P.S. Если не верите, то проверьте.

ЦВЕТОК В ПЕТЛИЦУ

Мой дымный горизонт и вечные дожди,
И капли расставанья на ресницах.
Ты время твердостью рассудка заряди
И вдень лазоревый цветок в петлицу.

Петлица — не петля. Ты время обмани
Пристрастием к цветку, причастностью к зверинцу.
И мисс Офелию О'Нимфу помани
В своих молитвах за участие к принцу.

Не убоится с милыми разлук,
Ни с веком слово. Не молва — награда
За верность Музе, а упорство рук,
Познавших тайну песенного лада.

КОЛЬЦО

Как легко и простодушно лето!
Захочу и воздух всполошу.
Могут только маги и поэты
Слово раскрывать, как парашют.

А слова не плачут, не пророчат,
От обид и ласк не голосят,
Лишь сквозь черную решетку ночи
Гласные сверкают, как глаза.

И по всей сиреневой России,
Где от тайн кружится голова,
Ждущие поэта, как мессию,
Бродят терпеливые слова.

И мое, быть может, где-то рядом,
Всматриваясь в каждое лицо,
Ждет меня, от посторонних взглядов
Утаив волшебное кольцо.

ПРАЗДНИКИ В ТАМБОВЕ

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.

М. Лермонтов

1. ЛЕНИНГРАД — ТАМБОВ

К платформе пыльный подан поезд,
К нему бегут наперерез,
Локтят, толкают, рвут за пояс,
Неся багаж наперевес.

Детей воткнув в людскую дамбу,
Кричат истошно матеря,
Мешки пропихивая в тамбур,
Тишком соседей матеря.

Но дан свисток, и поезд вздрогнул,
Поплыли прочь щиты реклам,
Вдоль по лицу скользит подробно
Чужой обшарпанный реглан.

Вот замелькали дачки, горки,
Пеленки, лозунги, свинья,
На оплешивевшем пригорке
Слоняется гусей семья.

Вот ферма, скот, поля люцерны,
Вот, скуку наводя окрест,
Звезду провинциальной сцены
Встречает жиденский оркестр.

Мелькают дети, псы, телеги,
А даль туманна и мутна,
Как облако в сутулом небе
Полуоткрытого окна.

В пути одолевает скука,
Чужих рассказов винегрет,
И ноздри ранит запах лука,
И в ухо чавкает сосед,

Все краски, расплываясь, тают,
И тяжелеет голова,
И к сонной мысли прилипают
Чужие, вязкие слова.

Но вот случится остановка,
И дернет корпусом вагон,
И толкотня и пикировка
Прогонят набежавший сон.

Уроком робким осязанья
Мысль прикоснется налету
К мелькнувшей жизни очертаньям
И снова канет в пустоту.

А поезд мчится без оглядки
По неоглядности равнин,
Даря короткие стоянки
И взгляды пыльных георгин.

2. ОКНО

Потолок. Кулаки кровожадные ламп —
Голубого столетья наследство.
Справа — вжившийся в чад сковородок эстамп,
Слева — вешалка, впавшая в детство.

Взбаламученный, взбалмошный, бальный рояль,
С малолетства приученный к тряскам,
Переездам, скандалам, нечистым делам,
Возбужденным телам и подвязкам.

Глухота щуплых стен, бледных как полотно,
Выдающих разлад за беспечность,
Но смотрящее в звездное небо окно,
Но окно, выходящее в вечность.

3. ДЕМОНСТРАЦИЯ

Громко лает радио с соседнего двора,
Всем на демонстрацию отваливать пора,
У сестры на кухне убежало молоко,
Мать ворчит: "И в праздники нет никако- поко-."

В новых белых перчиках наш Голубев-мильтон
Щиплет толстых дворничих, что праздничный батон,
Курит "Лайку" — напрочь отказался от махры,
Страшный лейтенант теперь, а не хухры-мухры.

Уди-уди тонко по-котеночьи пищат,
На трехтонках звонкие девчата верещат:
"Глянь-ка, Танька, туч-то сколь, эх, не было б дождя!"
"Дядя Коль, а дядя Коль, ты как несешь вождя?"

Духовой оркестрик, глядь, уже налил глаза,
Тягнули в честь праздничка прозрачной как слеза,
А теперь дудят, мудят кто в лес, кто по дрова,
А скажи, пошлют пода-: катись отседова!

На призывы партии толпа кричит "ура!".
Гадит раскидаями цветная детвора.
Белым вдоль по красному величие идей,
И на древках лица не улыбочивых вождей.

Буду до обеда всенародно ликовать —
До обеда винные не будут торговать.
Шарики цветастые, гордясь, несет народ —
Постарался Баковский резиновый завод.

4. ОБЩЕЖИТИЕ

Мелькают кубики дверей перекликающиеся —
В девичьих комнатках любовь не вытанцовывается,
И рвутся нити давних дружб переплетающиеся,
И с корнем первая любовь не выкорчевывается,

А парни хлопают дверьми, не оборачиваются,
Уходят в общем навсегда, а врут — прогуливаются,
На спинки транспортных сидений облакачиваются
И незаметно, как и все вокруг, ссутуливаются,

Ответ на заданный вопрос не подворачивается,
И жвачка будничных забот не пережевывается,
В кроватках девочки не спят — переворачиваются,
Но все же, как и все вокруг, перекантовываются.

5. ДЯДЬЯ

Домочадцы распалются —
Слишком пир пошел горой,
Уплывают и прощаются
Деревянной рукой,

Кто уже ерошит волосы,
А другой вином разит,
И ломающимся голосом
По соседу егозит,

Трое желтых суток жаждущий
Огрызается комод,
Трое желтых суток страждущий
Матерится банкомет,

Отбивая трефы пиками,
Ржет зубастый дядя-черт,
Двоезубой вилкой тыкая
В закругляющийся торт,

Родовитым прошлым хвастает
Дед — тамбовский адвокат,
И телятину зубастает,
Как заправский леопард.

Мне бы самую желанную
Голубую даму пик,
Мне бы тетеньку жеманную
Завести в трэфной тупик,

Но дядя тамбовским пряником
Лезут водку заедать,
И возникшего племянника
Не хотят опознавать.

6. ВЕСТИБУЛЯРНЫЙ АППАРАТ

Опять шалит вестибулярный аппарат,
Опять шаги и бляхи весело горят,
И флаги пляшут, словно фляги у костра,
И кланчит кашу пятилетняя сестра.

Машина времени, ах, не спеши, повремени,
Дозволь пожить, попить, передохнуть и подтянуть ремни,
Машина времени, а ну их к черту всех,
Поднимем тост за временный, а все-таки успех.

Пробить лбом форточку? — Там как всегда парад.
Упрятать в кофточку вестибулярный аппарат?
Махнуть с Любашей и Иришкой в Магадан?
Напиться с Малышевым Гришкой вдрабадан?
Наденем снова всепогодный маскхалат.
Поднимем тост за всенародный маскарад.

7. УТРО I

Убогой жизни разграфленность
Ломала розовую ночь,
И окна пели приземленность,
Отказываясь ей помочь.

И птиц не привлекала стайность
И не прельщала темнота,
Белела всюду бестрамвайность
Стыдливая, как нагота.

Был площадей настрой невесел,
Зевала сонная герань,
И шел, качаясь, бледный месяц
Опохмеляться спозарань.

8. УТРО II

Лепечет дня росток в растерянном Тамбове,
Ему не до меня и не до вас тем более,
Ведь для ростка во всем округлая гармония,
Ему не занимать ни до среды, ни смелости.

В кармане нет рубля, а трешки и тем более,
И даже разменяв Тамбов на грудку мелочи,
Не купишь ни тепла, ни даже самой малости,
Которую назвать и то не хватит смелости.

А потому, друзья, замнем Тамбов для ясности
Того росточка дня, возникшего в окрестности,
Которому даны и вечность, и гармония,
И незачем ему пенять на груду мелочи.

9. ПРОГУЛКА

Отложим в долгий ящик удивленье,
Покинем стул, накинem дождевик,
Пойдем смотреть на светопреставленье,
На хмурый парк, на мокрый грузовик.

Так злоба дня оскомину набила,
Так стал невыносим захлеб газет,
Что серость луж не кажется унылой
И не смущает выцветший берет.

Ведь яркость красок — повод к беспокойству
В местах, где флаги ярче, чем цветы.
Облцентр Тамбов — крикливое устройство,
Где только дождь с прохожими на ты.

10. ПРОВОДЫ

Пытка проводов,
Слов и слез.
Сколько поводов
У колес
Увезти паровоз!

Монотонны прощанья слова,
И не жарки, а жалки объятья,
Буду ждать, напиши, до свида-а-
Голова
Таёт раньше, чем платье.

Миг — падет на платформу ничком
Слов прощальных нагая никчемность,
Миг — и перед соленым зрачком
Встанет зримого мира огромность.

11. ТАМБОВ — ЛЕНИНГРАД

Покуда елей шпили
Врываются в окно,
И шпалы разграфили
Дороги полотно,

Доверься незнакомке
В купе под стук колес,
В ладонях кепку комкай
И задавай вопрос.

Один средь бела будня
У станций на виду
Качающийся путник,
Несущий ерунду.

Усталый и противный
Коричневый запой
Плетется и плетется
И тянет за собой.

Велик соблазн дурачеств
Вагонной маяты,
Не от избытка качеств,
А так, от скукоты.

Ты — стреляная птица,
Я сразу примечай.
Скорей бы проводница
Несла постель и чай.

Нужна ли незнакомка?
Уместен ли вопрос?
В трясущейся котомке
Две пачки папирос.

Закурим по привычной,
Затянемся дымком,
На полке поприличней
Свернемся колобком.

— "Куда ж ты, Дульцинея,
Скажи мне, удержишь путь?
Вот станет потемнее,
Поладим как-нибудь?"

— "А ну отстань, не балуй,
Нашелся Дон Кихот".
Где шпиди, а где шпалы
Никто не разберет.

ЛИСТОПАД НЕУДАЧ

Полночь чертит над городом контуры труб,
Жарко ветер скользит по бессоннице губ,
По усталости рук бродит, сух и горяч.
Листопад неудач, листопад неудач.

Рвется давняя память сквозь дней провода,
И поет, и кричит: Никогда, никогда
Ты не сможешь забыть этот смех, этот плач.
Листопад неудач, листопад неудач.

Ты бросаешься в ночь, ты садишься в такси
И, как вызов, бросаешь шоферу: Вези!
Мимо сонных домов, мимо рощ, мимо дач,
Листопад неудач, листопад неудач.

Утихает печаль, утекает тепло,
И врывается ночь в ветровое стекло,
И уносится прошлое с дымом табач-,
Листопад неудач, листопад неудач.

Ты пощады у стрелок часов не проси,
Словно выстрел, захлопнется дверца такси,
Ты в глаза светофоров отчаянье спрячь,
Листопад неудач, листопад неудач.

Вдоль дороги незрячие плачут дома,
Тянет руки навстречу тревожная тьма.
Ах, луна, над моей головой не маячь!
Листопад неудач, листопад неудач.

ХИТРЫЕ СУЩЕСТВА

**А может быть, слова — живые существа,
Рождаются, поют и умирают,
Лишь иногда пронзительно вздыхают,
И надевают маску плутовства.
Такие хитрые живые существа.**

**А мы за лица принимаем маски,
Цвета живые звуков — за мазки,
Заносим в словари и по указке
Выстраиваем скучные полки.**

**Поэты снова путают слова,
От лозунгов кружится голова,
А проза ни жива и ни мертва.
Такие хитрые живые существа!**

ПОРА ЛЮБВИ

Константину Кузьминскому

Чем вновь любви пора порадует отшельников,
В подвалах и на чердаках стихи бормочущих?
Гудят басы и псы стремятся из ошейников,
И девам снятся сны, девичество порочащие.

Пока по камушкам журчат ручьи весенние,
Пока покачиваются на ветру скворешники,
Мы будем верить, что настанет Воскресение,
Мы будем верить, что покаются все грешники.

Мы будем мир своими рифмами укачивать,
И, привлекаемые к песенному омуту,
К нам облака, на рамы окон облакачиваясь,
Начнут заглядывать в заплеванные комнаты.

Идут встречать весну веснушчатые дурочки,
Цветет берез кора коралловыми бликами,
Мы продуваем заплывшие дудочки
И об утраченной любви на них пиликаем.

В ПРЕДДВЕРЬЕ СЕНТЯБРЯ

Как хорошо в преддверье сентября,
На хлеб с вином истратив три рубля,
Смотреть в пространство, очи округля,
И размышлять о дали неогля-

Пусть в это время кто-нибудь влюбя-,
И кто-нибудь дает стране угля,
И кто-нибудь морского корабля
Ночной маршрут прокладывает для.

И кто-нибудь читает, удивля-,
Как Ольга мстит доверчивым древля-,
И кто-нибудь о нас печется, гля-
Из окон освещенного Кремля.

Между осин светящаяся тля
Летит вперед, собой пространство для,
Без газа, без бензина, без угля,
Под крыльями коленки заголя.

Как хорошо на мирозданье гля-
дя, пить в тиши, лихих людей не зля —
Тот, кто въезжает в город на осля-,
Хлопот имеет много опосля.

Бежав от славных будней без огля-,
Перед страной вину усугубля-,
Читать стихи какой-нибудь смугля-,
Давая по созвучьям кругалья.

ПАСЬЯНС С БАБОЧКОЙ, ПЕРЕХОДЯЩИЙ В БРИДЖ

Ждать в гости вдохновение так радостно с тобой,
Мое стихотворение с дымящею трубой,
Мое стихотворение, мой карточный домик —
На шторы откровение и сердце на замок.

Луна в окне как лампочка — аж в 25 свечей,
А я внутри как бабочка — красивый и ничей.
То с дамой пик о вечности и смерти потолку-
Ю, то, расправив крылышки, пройдуся по потолку.

Я в обществе валеточном вдруг стану всем знаком,
И зеркало фасеточным мне подмигнет глазком,
Мол, стоит ли печалиться, в томлении души
Есть способ не отчаяться — пиши, пиши, пиши.

Летит иными сферами невидимый поэт,
А дамы с кавалерами танцуют менуэт.
Держу слова, как козыри, в обеих во горстях,
И ожидаю сам себя сам у себя в гостях.

СНЕГУРОЧКА

Надоело глотать сумасшедшие майские ливни,
Надоело кружиться в обманчивом вихре весны,
Сны становятся глуше, несбыточнее и прерывней,
И несет уже утро настойчивый окрик: Проснись!

Пробуждаются ломкие звуки и хрупкие краски
Городского рассвета и ломаются в двери домов,
Окна слушают утро, как дети волшебную сказку,
Загораясь несложной интригой старинных томов.

И на смену магической, влажной, ночной благодати
Канонадой врывается бешеный башенный бой,
И седой инвалид — оловянный безногий солдатик,
С неразумной стихией опять выступает на бой.

Бродит грустный Пьеро, чуть метелкой асфальта касаясь,
Переулки, трамваи и птицы поют в унисон,
Электрички везут многочисленных спящих красавиц,
И колеса стучат: то не сон, то не сон, то не сон!

А когда ветер мчится по улицам, как по траншеям,
То в басовом играя зарю, то в скрипичном ключе,
Тянет броситься первому встречному парку на шею
И, рыдая, растаять на теплом, зеленом плече.

ПРУЖИННЫЕ ЛЮДИ

Пружинные люди двадцатого века
Чугунно-стального литья,
Похожие телом на толстых креветок,
И энтузиасты бритья,

Сражайтесь друг с другом
И войны ведите
Дотла, до победы, всерьез,
У дряхлых вождей вдохновенье крадите,
И славьте любовь, как курьез.

По зимам и летам курьерским и скорым
Прохрустнет десяткою жизнь,
Но будешь и ты вовлечен в этот сговор
Угрозою слова: Дрожи!

Дрожи! Проскрежещут разбитые рельсы
Чугунной губою про нас:
Пружинные люди, друг в друга прицельтесь,
Пришел ваш решающий час.

Дрожи! Но стреляй, чтоб не дрогнуло веко,
От страха не хрустнул зрачок...
Пружинные люди двадцатого века,
Довольные бритостью щек.

ЗВЕЗДОПАД

Блистательной судьбы не миновать,
А посему пребудем одержимы —
Не для страданий жесткие режимы,
А лишь прозрачный повод бунтовать.

Кривому зеркалу не отразить звезды,
Не исказив тугую верность линий,
Не нужно прочить совершенство глине,
Но признавать возможность красоты.

Паденье звезд предрешиено судьбой —
Их не удержишь взглядом исподлобья,
И лишь лепить по своему подобью
Себя — мы оставляем за собой.

Приходит вдохновенье невпопад,
Как вызов миру, где ничто не ново,
Забытое, в начале было слово
Для состоянья сердца в звездопад.

Кривые зеркала, благословите труд —
Немое таинство раскованных движений,
Пребудет в яркости неверных отражений
Сиянье звезд, давно упавших в пруд.

А звезды падают во сне и наяву,
А звезды падают — им всем с природой слиться,
А я живу, я зеркало держу,
Я звездопад в стихи перевожу,
И звездный свет ложится на страницы.

РУССКОЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ

Ведь даже кузнечики, бойкие пасынки луга,
Без страха глядят на богов через травяные щели.
Корытом во двор опрокинулась мятная Луга,
И тряпка пространства висит на веревке без цели.

Здесь скована жизнь звонкой цепью капризных событий,
И псы оглушают утра жизнерадостным лаем,
Калитка с коровой беседует мирно о быте,
И некому выпить с заросшим до скул Менелаем.

Стрельчата изба, облака розовой перламутра,
И память о старой беде заросла лопухами,
В резное окошко стучится продрогшее утро,
И легкие мысли как в детстве встают с петухами.

До полдня сбивать лопухи пронизательной шпагой,
Колоть боевым топором на лучины полено,
И к прятке в углу приближаться немеющим шагом,
От губ отгоняя забытое имя — Елена.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ В ДАТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Век вывихнут, и разум оглушен,
День черно-бел, со щек слиняла краска,
Над каждой головою — капюшон,
На каждое лицо надета маска.

Прохожие не раскрывают рта
В боязни то ль мороза, то ль доноса,
На псов зловеще лают ворота,
И фонари на встречных смотрят косо.

Офелия, не по зиме легка,
В дешевенькое пальтецо одета,
Из телефонной будки старика
Торопит двухкопеечной монетой.

А рядом, в снежной пене января,
Порхают кружки над пивной цистерной,
И черный ворон в белые поля
Увозит Розенкранца с Гильденстерном.

Порвалась связь времен, и дни белы,
Как лица, уличенные в неправде,
И в каждом сердце — черные углы,
И каждый встречный — Гамлет или Клавдий.

В квартире полдень немощен и нем.
Перед камином рваных писем груда.
Накладывая на морщины крем,
Глядится постаревшая Гертруда
В трюмо. Туда не лучше, чем оттуда.

ЗОЛУШКА

Ни фей, ни принцев. Золушке золу
Сметать с камина без надежд на чудо.
Не пригласят ни к танцу, ни к столу.
Разбогатеть? — Скорей дано верблюду
Проникнуть сквозь игольное ушко.
Ни ум, ни страсть, ни маленькая ножка
(Открытая не слишком высоко)
Уж не прельщают принцев. Понемножку
Стареть и ждать. О нежности — молчок.
Нести сестер наряды в переделку
И предлагать в ломбарде башмачок,
По коему слегка дают щелчок,
Желая знать: хрусталь или подделка.

ЛУННАЯ СТРЕКОЗА

Лунный свет играет на полу,
Лунный свет рисует стрекозу,
Проникая сквозь узорный тюль
И напоминая про июль.

Стрекоза исследует паркет,
Крыльями прозрачными дрожа,
Трепыхаясь между да и нет,
Словно свет на лезвии ножа.

Стрекоза, побудь, не улетай!
На воцеленных кубиках не тай!
Но уж поздно: режет рама свет
Черной тенью между да и нет.

БЕЛЫЕ ПОСТЫ

Слова и следы замечает январь на мостах,
Где белые люди застыли на белых постах,
Где белые кони покрыты попоной слюды,
Где ветер на белых решетках меняет лады.

Крылатые кошки в сыром молоке января
Застыли как мошки в старинном куске янтаря,
И вмерз в горизонт — ни упасть, ни крылами взмахнуть —
Летающий орел. Не пора ли, январь, отдохнуть?

Январь безъязык — от него не добьешься словца,
Осталось поднять воротник и бродить без конца
Туда и обратно по белым твоим мостовым,
Следы оставляя на зависть немым постовым.

ДВОЕ НА СКАМЕЙКЕ

Зловещ рассвет. Над городом заря.
По голубому ярко-красной раной.
Как ревностью по сердцу. Впрочем, зря
Я ревновал. Их видела охрана.

Вложить персты в рассветный кровоток?
Неверие не подтвержденье ль веры?
Что ж, Дездемоны кружевной платок
Подкинули мне ловко лицемеры.

Да, но в платке ли дело? Что платок? —
Безжизненный клочок расшитой ткани.
Пустяк. Забудь. Забвения глоток
Глотни. Оставь сомнения в стакане.

Не подтвержденья ищут, а причин,
И ждут не продолженья, а развязки,
У хитрости достаточно личин,
У ревности одной лицо без маски.

Глоток. Забудь! Глоток. Платок не в счет!
Пустяк! Но вновь сквозь белизну сирени
Всезнающего Яго хищный рот
И Дездемоны розовой колени.

НИКТО НЕ ПОЙМЕТ

Не довольствуясь прихотью строгих земных величин,
Переходишь в беспечность скользящих и легких причин,
Оставляющих гордость и грусть торопливым снегам,
И бегущим по возгласам, мнущим глаза сапогам.

Пантеоны геройства в губительном эхе тайги
Переходят в пространство сквозь черную дырочку зги,
Расплывается жизнь маслянисто по блеску меча,
С первым выплеском плача наглет плечо палача.

Перехлест сумасшедшей рубахи на вырез горласт,
Все, что раньше любилось, шутя переходит в балласт,
Все, что имя имело, летит в безымянный полет,
Где душа, а где тело — теперь уж никто не поймет.

КОЛОКОЛЬЧИК

В целительнице боли, услужливой земле,
Веселые бактерии смеются и поют,
И растворяют радость в человеческом вине
Из страха и надежды, и за здоровье пьют.

А воины усталые раскинувшись лежат
Под плотным одеялом незаселенных га,
И стебель колокольчика к их черепу прижат,
Они уже не чувствуют ни друга, ни врага.

Их колокольчик маленький разбудит на заре,
Будильник фиолетовый, мечта часовщиков,
И кость преобразится и в дождливом сентябре
В дорогу соберется, откликнувшись на зов.

ГАМЛЕТОМАНИЯ

Как льды обречены на таянье,
Обречены мы на сомнения.
О, гамлетовские метания
В припадке остром самомнения!

О, гамлетовские листания
Души, как книги непрочитанной,
О, эти робкие восстания
Из любопытства нарочитого!

Ау, борцы за правду, где же вы?
Когда же вы? Эй, да куда же вы?
Не лучше ли, одевшись в кружево,
"Быть иль не быть" тянуть адажио?

Сомнения, недоумения —
К Толстому тяга — графомания;
Вам и в любви не до умения —
Влечет вас к нимфам — нимфомания.

Вы забываете: месть — мстительна,
Страсть — страстна и логична логика,
Вместилище добра — вместительно.
А вы твердите: тавтология!

А может, шатки наши знания?
А может, упрощаем сложности?
А может быть, души метания
Совсем не сестры осторожности?

Как льды обречены на таянье,
Обречены мы на сомнения?
О, гамлетовские метания!
Самопознать? Самомнение?

ПЕНЕЛОПА

Оцепили январь серомордые дни,
И звереют минуты от купль и продаж,
Ты же царственной страсти пожар породни
С терпеливой водой нескончаемых пряж.

Вновь властитель морей твою жертву отверг,
Вновь предательством волчьим несет за версту,
И врывается в дом твой чужой человек,
Чтоб расхваливать нагло твою красоту.

А в ушах дальних ветров пронзительный гул,
А в груди оплетенная сетью морок,
Воспаленная страсть так и рвется в разгул,
А тебе — никого не пускать на порог.

Двадцать краденых лет беспупружна кровать,
И ночами бунтует бесстыжая плоть,
Так и просятся пальцы работу порвать
И проклятую прялку в щепу исколоть.

А тебе — вновь входить в заколдованный круг
Злых бессонниц и ночь как сестру привечать,
Страниться речей сердобольных подруг
И с надеждой в глазах чужеземцев встречать.

В ПЯТИГОРСКЕ

Искать в душе осколки лета,
Следы сумятиц и разлук,
На запыленных эполетах
Искать тепло любимых рук,

Заломленных в последней ласке,
И, отъезжая от ворот,
Понять, что эта боль — не маска,
Не водевиль — водоворот

Надежд, сомнений и событий,
Которым не видать конца, —
Ты не старайся позабыть их,
И не пытайся отрицать.

И все же... Было ль это лето?
Все та же даль, все та же цель...
А завтра утро, пистолеты,
Скала, Мартынов и дуэль.

ТЕАТРАЛЬНАЯ НОЧЬ

Ночь — караульщица бойких поклонниц,
Верю: не красного ради словца
Лезет толпа одичалых бессонниц
След твой стереть поскорее с лица.

Наскоро крашенный холст и притворство —
Весь легкомысленный твой реквизит.
Ночь, ну откуда такое проворство —
Бурный из жизни в искусство транзит?

Хоть и не всякая дочь — Навсикая,
Вдруг: озаренья зеленый сквозняк,
И на подмостках шутя возникает
Древних трагедий слепая возня.

Этих вопросов наивная детскость,
Этих ответов, ну, явная ложь
Вдруг превращает в действительность действие,
Вздох вырывая у кресел и лож.

Как же ты, ночь, этот вымысел чувства
Можешь из вечера в вечер таскать
И, заманивши в ловушку искусства,
Нас до бессонницы не отпускать?

Силой каких непонятных наитий
Можешь заставить свои типажи
Дергать причин бутафорские нити,
Вновь заставляющих вымысел жить

**Так, что заманенный в плен декораций
Зритель, что в жизни слезы не прольет,
Пламенем древних страстей возгораться
Будет весь зимний сезон напролет.**

ВЗЛЕТ ВЕСЛА

**Кривые зеркала воды и запах тины
Зовут припоминать знакомый взгляду взлет
Весла и всплеск воды и компас паутины,
По стрелкам бисера ведущий водолет.**

**Свободный взлет весла, забывшего свой прежний
Сосновый темный лик в морщинах и коре,
Открывшийся опять волнующей надежде,
Как в бытность деревом, распахнутым заре.**

**Что ж, прочерти опять по памяти кривую
И в теле озера незримые следы
Оставь, чтоб вновь познать прохладную, живую,
Губительную власть изменчивой среды.**

ДОМ ПОД ПАРУСАМИ

Мой старый дом, мой зыбкий одуванчик,
Мой, пущенный по ветру давних дней.
Вон там плывет, ссутулившись, диванчик
Под парусами белых простыней,

Там этажерка притулилась кротко,
Вон старый шкаф — пристанище одежд.
Уплыли в вечность голубые лодки
Моих давно несбывшихся надежд.

Но приплывают вещи в лунном свете
Ко мне, и в позабытый мир маня,
С комода детство плюшевым медведем
Так трогательно смотрит на меня.

Мой старый дом! Воздушный мой корабль,
На стройных мачтах паруса мечты,
Прорвав заслон пространственных парабол,
В иную жизнь ко мне приходишь ты.

Скрипит от ветра, надрываясь, рама.
Ах, рама, тише, рама, не долдонь!
Склонившись надо мной, живая мама
Кладет на лоб мне теплую ладонь.

И я живу, преодолев разлуку,
И время не торопит, время ждет,
И дом мне подает сухую руку,
По коридорам памяти ведет

В каюты дней, без карты, наудачу.
Мне близок, дом, твоих кают уют,
Я только в них так безнадежно плачу,
Я только в них так счастливо смеюсь.

Мой милый непоседа, мой гуляка!
Не уходи, останься до утра!
Но старый дом уж поднимает якорь,
Но старый дом мне говорит: Пора!

И я смотрю на дом (уже снаружи),
В окошках гаснет абажурный свет...
Темно... Не спится... Дом давно разрушен.
И детства нет. И мамы тоже нет.

ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА

Кричи, не кричи — не докличешься детства,
В пыль стертых тех стартовых дней башмаки,
Во взрослых ботинках в былые соседства,
В азарт малолетства идти не с руки.

Осталось вертеть, любознательно щурясь,
Той жизни расцветенный калейдоскоп,
В которой обиды являлись как бури,
Но не было слов "западня" и "просчет".

Лишь щеки в смеющемся зареве бега,
Лишь щелки в зареванном детском лице,
Когда изловили врага-печенега
Соседские витязи-удальцы.

Соседские витязи — кожа да кости,
Ключицы и ребра — почище кольчуг,
Мои печенеги, варяжские гости,
Чекисты, фашисты, Роб Рой, Чингачгук.

Вяжи, не вяжи — всех обид не увяжешь,
Круг детских друзей — заколдованный круг,
И всех твоих горе-владык не уважишь,
И всех твоих пленных не сбудешь вдруг с рук.

Ах, звери лесные, мои однокашки,
Куда вас забросило? Где вы и с кем?
Предательский след голубой промокашки
На ваших губах потерялся совсем.

Что скажем друг другу строители новой
Прекрасной судьбы (а, быть может, тюрьмы?)
О радужном детстве с весенней обновой,
С рогаткой и с веткой лесной бузины?

Печалиться? Но ведь для этого память
Какая нужна! Не печалиться — грех.
Мы только во сне шевелим башмаками
С кривыми шнурками на месте прорех.

Лепиться к ближайшему — это и свойство
И смысл многочисленных зрелых миров.
Прощаясь, друг другу простим негеройство.
О радостном детстве красивых нам снов!

СЕНТЯБРЬ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО С ВЕТРОМ

Тайком, урывками, украдкой
Сентябрь над городом рыдал,
Парк трясся в желтой лихорадке,
К земле ветвями припадал.

Пел ветер хрипло и угрюмо,
По клавишам берез шурша,
И сотни сыроежек-рюмок
Заправским залпом осушал.

Дороги мстили грязью хлябкой,
И устремлялись виражи
Смотреть, как туча мокрой тряпкой
На лбу у города лежит.

Стал цвет лица у стен землистей,
И не надеясь на врача,
Тащились по бульвару листья,
Насилу ноги волоча.

Собак гулять не выводили.
Ругался сторож, пьян и груб.
Поэта рифмы подводили.
Порой не рифмы, а обруб.

ОДА НА СЪЕДЕНИЕ КАПУСТНОГО КОЧАНА

Считать кочан капусты домом
Привык прожорливый червяк,
На крыше пляшет краковяк
И первый лист ему не комом
В раю пустынном, незнакомом,
Где нет ни паинок, ни бяк.

Кочан капусты просверлив
Насквозь, червяк увидит лиф
И два внимательные глаза,
Подумает: "Рай — это бред!
Покоя не было и нет,
Пора приняться за обед,
Как средство лучшее от сглаза".

А ты, не видя червяка,
Пройдешь между капуст легка,
Коснется правая рука
Невольно зелени округлой,
Ты срежешь наливной кочан
И, положив добычу в чан,
Пройдешь среди односельчан
Своей походкою упругой.

А через два часа за стол
Ты сядешь, подобрав подол,
Насытит вкус капустным пол-
Дником, а ухо полонезом,
И не подумаешь о том,
Что съела чей-то стол и дом
Ты с аппетитом и с яйцом,
С крыльцом, с жильцом и с майонезом.

ДАФНИС И ХВОЯ

Мише Хордасу

У меня собака-лайка,
Огневая балалайка,
Быстроглазая хозяйка,
Наливай-ка мне вина!
День безоблачен и сочен,
Штрих ветвей небрежно точен,
Лес рекою оторочен,
За рекой гора видна.

Мы найдем еловых шишек,
Напечем румяных пышек,
Улюлюканье мальчишек
Встретит звонкий лайкин лай.
Мы у ног пушистых елей
Вспомним свист былых метелей,
И тепло чужих постелей,
Подвернувшихся случай-.

Как же это, в самом деле,
Так беспечно прогудели
Эти пестрые недели,
Эти быстрые года, —
Пили, ели, песни пели,
До утра костры горели,
Искры легкие летели
В голубое навсегда.

Ели, ели, вы очнитесь,
Еле-еле покачитесь,
Хоть на время подчинитесь
Зову ваших хвойных глаз.
Но глаза у елей колки,
Взгляды остры, как иголки,
Вниз из-под зеленой челки
Смотрят елки зло на нас.

Опадает тихо хвоя,
Было трое, стало двое,
Лайка, лайка, что ж такое?
Почему такой разлад?
Лайка, лайка, ты не лай-ка,
Отомстила нам хозяйка,
Не играет балалайка,
И с глазами неполад-.

РОЗОВЫЙ РАССВЕТ

Рассвет таинственен и звонок,
Как ржанье рыжих жеребят,
Потягивающихся сонно
К теплу живому, теребя

Сосцы тугие в синих жилах,
Струящих нежность и уют,
Пока степенные кобылы
Степную сочность трав жуют.

Рассвет чуть слышно тронет веки,
И сна нарушит рубежи,
И жизнь проснется в человеке,
По синим жилам побежит.

Ах, эта тайна, эта жажда
Неутоляемая — жить!
Что каждым вздохом, клеткой каждой
Тебя влечет, заворожив,

Ручья лесного легким плеском,
Цветным хрусталиком росы,
Пробравшимся за занавеску
В пылинках лучиком косым,

Всем жадным любопытством к свету,
Чем утоленней, тем острей...
Российским розовым рассветом
Вели поэта на расстрел.

ОБЛАКА В СТАКАНЕ

Облака на туманной Неве,
Облака, облака в голове,
Облака в мимолетном "пока"
И в стакане твоём облака.

А в моем отражается высь,
А в моем канделябры зажглись, —
Вон береза качает ногой,
Вон желание машет рукой.

Приближается завтрашний день —
Неуклюжий и шумный тюлень.
Он о прошлое греет бока,
А вокруг облака, облака.

Сна пушистого теплый комок
Подплывает и тычется в бок,
И ложится тихонько у ног.
Но звенит телефонный звонок.

Голос твой: — Это ты? — Это я,
Сгусток облачного бытия.
Голос твой: — Отвечай, это ты?
— Это я. Шлю привет с высоты.

Млечный путь здесь разлил молоко
На ромашки и на колоко-,
У Медведицы в лапах тоска,
А в глазах — облака, облака.

Сколько вдруг облаков намело.
На душе так туманно-бело.
Облаками заволокло
Стены, дверь, потоло-.

ВЗГЛЯДОМ ИЗ МЫШЕЛОВКИ

**Забудем о праздниках. Это не торжество безразличья
к гуманному строю, к своим собутыльникам,
к соблюденью приличья
ведения разговора и с дамами обхожденья
в том обществе, где падение не страшней восхожденья.**

**Нет, это всего лишь условие жизни чувства,
глядящего грустно в мир из мышеловки искусства,
нашедшего общность в ручном попугае и зрелом муже,
понявших, что клетка не только снаружи.**

СТАРЫЙ КОЛУМБ

Нет, не радательно — рыдательно
Прильну к знакомому глазку
Трубы подзорной, что страдательно
Ревнует небосвод к виску,

Расплывчатая слов действительность
К гортани подплывет комком,
Когда коснется глаз губительно
Воспоминаний тех тайком.

На грани храбрости и хрупкости
Всем траекториям вразрез,
Противу грубости и глупости
Пойдет зрачок наперерез.

И будут взглядом вновь отмечены
Провалы пасмурной воды,
И облик незнакомой женщины,
И незнакомые плоды...

Зачем? Ведь памяти обещано
Не беречь старинных ран,
Не бредить и не рваться бешено
По бликам через океан, —

Но тянет, тянет вновь заглядывать
Нас в прошлое туманный рок,
Опять трубу к глазам прикладывать
И памяти давать зарок.

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

Ты говоришь, нет времени для песен?
Но милой Музе, ветреной девчонке,
Понравиться, как видно, невозможно,
Не предлагая ей руки и се-.

И то, прости меня за откровенность,
Чтоб высосать действительность из пальца,
Теперь двух-трех минут уже не хватит,
А пережить — всего не пережить.

В добрососедском маленьком соседстве,
Где каждый домик — кладезь длинных толков,
В совместном поэтическом задоре
Приятно долгий вечер провести.

Действительность здесь не берет за горло,
Уликами не припирает к стенке,
А если и обманывает часто,
То вовсе не для красного словца.

Нам есть о чем печалиться и печься;
Глаголом жечь сердца, словами сальто
Вертеть и радостную погремушку рифмы,
Как зайца из цилиндра доставать.

Твори, пока еще ты мальчик-с-пальчик,
Розовощекий утренник природы,
Со временем и ты аршин проглотитшь,
И станешь ложью походить на всех.

Пока ж еще есть, слава Богу, время,
Стрекозья легкость прыгающей мысли,
Природная восторженность и честность.
И чуткость уха. Что ж тебе еще?

ЧЕЛОВЕК ПРЕВРАЩАЕТСЯ В САКСАУЛ

Человек превращается в саксаул,
А соседи подбадривают — аксакал!
По аулу проходит злорадный гул:
Аксакал-то, кажется, отскакал.

Раскидались конечности вкривь и вкось,
Мозг покрылся не кепкой — двойной корою.
Ни скакать наобум, ни ступить на авось,
Если нечем крыть, значит матом крой.

Человек вырастает в песок, как столб.
Бровью не поведет, где уж там плечом.
Он теперь у нас покоритель толп,
Открыватель сердец золотым ключом.

А ведь раньше был всем ветрам открыт.
И огнем горел, хоть башкою в лед.
А теперь стоит, словно в землю врыт.
Правду-матку режет, да, видно, врет.

Прежде — вольный ум, а теперь — коран,
Прежде — разговор, а теперь — таран,
Прежде — умный лис, а теперь — баран,
Прежде был — поэт, а теперь — тиран.

По пескам голосов удивленных гул:
Человек превращается в саксаул.
Надо было раньше кричать караул,
А теперь, милок, собирай баул.

ВЕСНА ГОЛОВЫ

Под зимней шапкой
В голове весна
Сознания,
Чирикают скворцы
В извилинах,
И зреют почки на
Обрубках слов,
И памяти рубцы
Затягиваются;
Во все концы
Текут ручьи,
И в мыслях тает лед
Рассудка,
И сознание поет.

Весна сознания!
Весна!
Со сна
Не я узрю расцвет твой,
Но другой,
Во мне,
Под зимней шапкой,
Где блесна
Весны
Потянет рыбку за собой
Надежды
Вверх
В молочно-голубой
Рассвет,
И станет омут вдруг судьбой
Избежной,
И сомненья
Сменит
Свет.

ТАЙНАЯ СВОБОДА

Не вырваться, не вырваться, не выр-
Ваться строке, сломав решетку ритма
На волю; в беге башмаков до дыр
Не износить — сразит стрелой рифма,

И глух паденья звук, и слышен стон,
Подобный крику птиц и сосен пенью,
И вновь приговоренная к терпению,
Возвращена она в свой гулкий дом.

Молчать, терпеть, вести житье-бытье
В строфе в соседстве тесном год от года,
И если бы не тайная свобода
Строки, вы б не узнали про нее.

ПРИЧИНА

По городу бродить приятно в мае,
В котором брел когда-то, обнимая
Кого-то, а теперь, вот, не у дел.
Гуляют облака густым разводом
Белил под небосводом и по водам,
Водопроводом и громоотводом
Стоит фонарь, взяв город на прицел.

Ни за кого не хочет быть в ответе
Душа сегодня, не семья и дети,
Ни даже пребыванье в беспросвете,
И то, что жизнь с мечтами не в ладу,
Тому причиной. Пусть на парашуте
Спит нищий. Пусть в войну играют дети.
Пусть девочка в мечтательном берете
Глаза поднимет — мимо я пройду.

В эпоху групп и круговой поруки
Гулять по городу приятно одному,
Сбивать колонны глазом, словно рюхи,
Смотреть, как гусеница ползет на брюхе,
И мыслями выделявая трюки,
Не открывать причины никому.

УЗОРЫ ПРОЖИТОГО ДНЯ

Ослиная морда облака с расширяющимся зрачком
Синевы проплывает по небосводу бочком-бочком,
Словно боится хозяйского окрика,
Обычно заканчивающегося тычком.

Ветер-погонщик шугает залетных птиц,
Мельтешаших над крышами двух городских больниц,
В одной — сумасшедшие, в другой — алкоголики,
Конгломерат выразительных неординарных лиц.

Дождь одевает город в грязносерый вельвет,
Ветер срывает кепки и бросает в кювет,
Выворачивает зонтик у пожилой учительницы,
Спешащей в уборную, а может, на педсовет.

Чистые взгляды школьниц в галстуках-бычья-кровь,
Верящих в справедливость и неземную любовь.
Все, чему не учили на уроках литературы,
Преподнесут соседи, доброжелатели и свекровь.

Резко стреляет по пешеходам трамвайный звонок,
Свирепо рычат мотоциклы, зажатые между ног,
Водитель такси хмуро смотрит в грязное небо,
Где черная туча раскинулась, как носорог.

В длинной змее за вином толчея и мат:
Человек человеку, как видно, не друг и брат.
То, о чем не напишут в районных газетах,
Зафиксирует глаза фотографический аппарат.

В ночной голове разноцветные стеклышки дня
Прошедшего тасуются, разум назад маня,
Что не сказалось вслух на ровном асфальте
Договорит измятая простыня.

Твоя кожа гладкая и холодная, как река,
Сливающаяся с бледной линией потолка
Предает мои губы три раза желанью,
Но не слышно как прежде "кукарека".

Сеть забот приближает твой рот к моему виску:
Муравьи проложили дорогу к сахарному песку,
Хорошо бы принять в субботу начальника и сослуживцев,
Жаль, что кончилась очередь на мороженую треску.

Утомленная память кричит голове "банзай!",
Ошалевший будильник истошно вопит "слезай!".
День прошедший снова прожить до утра нелегче,
Чем увидеть в калейдоскопе тот же самый дизайн.

ВДОЛЬ ПО ПИТЕРСКОЙ...

Прекрасна жизнь! Давно пора бы знать!
А если вдруг не сможет опознать
Тебя твой ближний — жизнь еще прекрасней.
Надень ушанку, сапоги, пальто,
И целый день броди инкогнито —
Свободнее, теплей и безопасней.

Теплей — не надо открывать ни рта,
Ни сердца. Городская суета
Уж не влетает в комнату с порога,
И не разбиться птичке о стекло,
Как не скатиться мысли по накло-
Нной плоскости неодобренья Бога.

Я рад всему: троллейбусной езде,
Большому дому, гастроному, где
Торгует бабушка с лицом ватрушки,
Где, начисто презрев прекрасный пол,
Отечественного образца Эол
Сдувает пену с запотевшей кружки.

Я счастлив (наблюдательности раж!)
Заметить воробьев ажиотаж,
Пирующих на праздничной помойке,
Галош гравюры на сыром снегу
И розовые личики Снегу-
Рочек в толпе гуляющих по Мойке.

Приветствую, как милую сестру,
Вокзалов продувную пестроту,
Где я вступаю сам с собой в беседу,
Мне не нужны ни деньги, ни билет,
Друзья меня не встретят: "Сколько лет
Да сколько зим!" — я никуда не еду.

Благословим же милый ералаш,
Где братство — ложь и где свобода — блажь,
А равенство — дитя самообманов.
Мы ляжем мирно спать, а на заре
Избавь нас Бог от смелых озаре-
Ний, так же как от дерзновенных планов.

ЮНОСТЬ И ЗРЕЛОСТЬ

Юность — мальчик, идущий за рыбным возом
Столицу открытиями удивить, розов
Рассвет, и дорога открыта взорам.

Умиление по поводу северного сиянья —
С мирозданием и природой слиянье
Не требует мысленного расслоенья
На две ипостаси — достаточно возлиянья.

Пора вопрошаний о смысле жизни,
Все нелюбопытные — глупцы или шизо-
Френики, перенесение с лица пониже
Взгляда при рассматривании женщин, понеже

Юность — любопытствонепорочный
Взгляд на вещи, не беда, что непрочен
Мир — главное, что не прочь бы
Снять со всего окружающего пробу.

Праздник, когда до утра не смыкают вежды,
Когда надежды представимей одежды,
Висящей на стуле, когда не думают дважды
О поступках, и все сказки с "однажды"

Начинаясь, кончаются медом с пивом;
Когда, сломя голову, несутся на ретивом
К красной девице, не нуждаясь в аперитивах
Для чувств, в мечтах намного опередив их.

Зрелость — долгий взгляд не юнца, но мужа
В потолок, а потом за окно, где лужа,
Или стужа — повышенный интерес к погоде,
Ужа-

Сания по поводу гололеди.
Время выхода человека в люди.

Пора опускания сабель в ножны,
Логического завершения игры в третий лишний,
Ощущения тяжести своей ноши,
Окончания споров о том, кто ближний.
Пора отыскания своей ниши.

Пусть мы цари творенья, но трон наш колче-
Ног, на него не сядешь кой-чем,
Кое-что не ударив, Отче.
Праздник праздного любопытства — кончен.
Мы проходим мимо сезамов — молча.

В ЦИРКЕ

На полу сидят медведи:
Кто качает головой,
Кто, нагнувши морду к леди,
Поднимает тихий вой,

Леди щелкает по полу
Бело-розовым бичом,
Улыбаясь, машет полу-
Голым публике плечом.

Не смеясь, не балагурия,
В такт свистящему бичу
Ходит Мишка, брови хмуря,
По цветастому мячу,

Не перечит недотроге,
Не ревет, как в доску пьян,
Знает: нет назад дороги
В Ледовитый океан.

Знает: мяч покат и зыбок,
И что если он осту-
Пится — не получит рыбок
И останется без обеда до следующего высту-
Пления.

ПОТЕРЯНО СТРЕМЯ

Потеряно стремя, и конь твой в ночи не заржет,
Стреножено время, и стража покой стережет,
Покинутый сердцем, чурайся пространства и дел,
Сльвя иноверцем, дели с иноходцем удел.

Не снятся давно ни наложницы, ни табуны,
Чужое вино не притупит твоей чужины,
И длинные ливни уже не предмет для забот
Для двух иноземцев, вздыхающих ночь напролет.

ВИРАЖИ

Слишком круто пространство.

Куда ни взгляни —

виражи.

(Как на зависть неспешно плыла на верблюдах Ревекка!)

Из какого мы века?

И сколько нам времени жить?

Слишком узко пространство,

чтоб в нем уместить

человека.

Слишком память ранима —

в дорогу багаж уложить,

Слишком дорого время —

искать себе в путь провожатых,

Нам не надо верблюдов,

но сколько нам времени жить

Надо знать,

нам,

меж каменных глыб голубого

пространства зажатым.

Нам, затерянным в вечности

(год — за две тысячи лет) .

Нам, затерзанным в вещности

(нынче почему у вас маска?)

Надо знать, что бывает в былое

обратный билет,

И сирены поют,

и сбывается древняя сказка.

ПОД ЯБЛОНЕЙ

Безвременье — прекрасная пора!
Кричать не надо никому "ура!"
Или "долой!", и нечего стыдиться.
Блестит на солнце белая страница
Истории, материя едва-
Едва плывет в пространстве, дерева
Шумят над ней, слагая небьлицу.

Все справедливо в мире. Абсолют-
ное добро царит везде. Верблюды
Не хвастает горбом, а пони — челкой.
Овечке волк — товарищ, друг и брат,
Лев мирно в поле щиплет аромат-
ную траву, в правах уравниен с телкой.

Еще для мира время не бежит.
Еще не родились ни грек, ни жид.
Никто не собирается в дорогу.
Под яблоней сидит, грустя, Адам.
У Евы в словаре нет слова "дам"
Или "не дам". Пустыня внемлет Богу.

ПОПЫТКА ОСЕДЛАТЬ ПЕГАСА

Туда поскачем, друг Пегас,
Где горизонта рыж лампас,
Где ждет любовь нас и опас-,
Где глаз, как ватерпас.

Там в свой там-там бьет папуас,
Дон надевает медный таз,
Кусает локти Карабас-
 Барабас.

Не откликается Пегас —
Ему до лампочки лампас,
И ватерпас, и папуас, и Карабас.

”Три раза в день в мешке овес
Милей мне ваших слез и грез,
И ностальгических берез,
 Да-с!

Скажите: у коня склероз,
И весь тут сказ!”

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Куда ж нам плыть? Открытый горизонт
Заманчив и далек, и голубые волны
Несут наш легкий челн, и северный озон
Щекочет легкие. Воспоминаний полны,
Глаза нащупывают старый сон,
Светает черный потолок, и пол ны-
Ряет в пространство: я на берегах
Пальмиры Северной (Ура, увы и ах!)

Я забываю мир, но не спешу
(Душа стесняется лирических волнений)
Кипеть желаньями, тихонько ворошу
Старинной памяти сгоревшие поленья
(То бишь золу) и камень преткновенья —
Гранит реки — настойчиво прошу
Не возбуждать мое воображение,
Но камень чуток, он меня влечет,
Я поддаюсь печали безотчет-

Да, вдруг одолевает беспокойство,
Охота к перемене мест, и мост
Воображения, имея свойство
Протягиваться хоть на тыщу верст,
Мне помогает совершить геройство:
С уже подламывающихся подмост-
Ков сна я выхожу на берег невский
(Знай наших, Циолко- и Лобачевский!)

На берег ступишь, и берет в полон
Тебя Нептун с трезубцем серебристым,
Сирены лодок биржевых колонн
Зело крыла-, хвоста- и голосисты,
Сверкает купол, веет аквилон,
Конь вздыблен на подножии скалистом,
Он Змею-Западу подковой пасть
Курочит (чтобы с камня не упасть) .

Вот растянувшийся в воздушных кручах
Мост разводной, вот мелкие суда
Спешит отобразить воды слюда,
Вот плавающий в оловянных тучах
Кораблик, не плывущий никуда
(Чем менее движения, тем лучше) ,
Вот дом купца и первые уда-
Рники труда вокруг Екатерины
В саду не для Ирины и Марины.

Здесь кони, несмотря на недороды,
На крышах зданий сыты и легки,
Здесь в небе цвета кислоты и соды
Железный ангел на столпе грехи
Припоминает варварским народам,
Грозя орудьем пытки. Здесь на хи-
Щника коварной ко́шачьей породы,
Спасти пытаюсь от стихийных бед,
Сажал героя своего поэт.

Увы, в поэтах постоянства нету:
Один убит, другой забыт, забит
От страха третий, пятый канул в Лету,
(Четвертого заел наш славный быт),
Шестой кричит: "Карету мне, карету!"
Седьмой с поэзией невесть что выг-
Воряет, лишь бы стать известным свету,
Восьмой, девятый... Позабыл. Склероз...
(Читатель требует для рифмы: роз).

Поэзия! О, сколько лучших дней
Проведено в блистательных чертогах!
А где признанье? Но спокойно лей
Из лейки слов, поэт, и об итогах
Забиться меньше — равно Водолей
Нам светит, будь мы в валенках иль в тогах,
И равно нами люди дорожат,
Зажат ли рот наш, или не зажат.

Полдневный залп! И испугнута вата-
Га иностранцев, тубетеек, теток.
Мила глазам двухцветных простота
Петровских зданий, чей рисунок четок.
Белеет в черном кружеве решеток
Видавших виды статуй нагота,
Не знавшая ни джинсов, ни тишоток.
Петра творенье! Я тебя люблю,
Хоть вырос в колыбели револю-

Мой город! И во сне и наяву
Мне по твоим кругам дано вращаться.
Сидеть на львах. С мостов смотреть в Неву.
То в зодчих, то в поэтов превращаться
Твоих. Ты — это я. А посему
Утрачен смысл глаголов "возвращаться"
И "уезжать". Нам жребий — плыть и плыть.
То якорь бросить. То за борт травить.

ЗАКОРДОННЫЕ СТРАДАНИЯ

Стихи — потеря времени. Что да,
То да. Но за кордоном города
Меняя, имя, речь, друзей, цвет кожи
(Хамелеон — наш предок), иногда
Я потянусь к тому, что помоложе
Я так любил. Плетение словес!
От вас дурман приятный в голове-с.

Родная речь! Я вас любил. Быть может,
Вы все еще на берегах Невы,
Я ж за кордоном, и Мабель — не вы,
Не то чтобы пейзаж ее убоже,
Но нелегко мне, а порой невы-
Носимо привыкать к сей новой коже.
С чужою музой я еще на вы.

Любовь! Нет, проще, Люба, города
Однообразны, как стихи поэтов
Бездарных, и свобода — не страда-
ние, а воздержанье от обетов
(Не от обедов), и в тот миг, когда
Вы слышите "люблю" — не верьте, это в
Порядке поддержания огня
В костре беседы — хил и фиолетов
Не доживет он до другого дня,
(Закон исчезновения предметов
И чувств) — обидно, но зато поня-
тней много возвращения билетов
Всевышнему — бессмысленный и бес-
Пощадный бунт (виной всему Ликбез).

Родная речь! Прости, не обессудь,
Забыл тебя, и ты меня забудь.
Ужель мы будем страсти рвать на части?
Так драма переходит в водевиль:
Поэт идет с Мабель в автомобиль.
Чужая муза не чужда участия.

Внутри тепло. Не слышно лая пса.
Снаружи ветер треплет паруса
Соседних небоскребов, и не лебе-
Ди проплывают в синеве, а са-
Молет мелькает в мимолетном небе.

Возможно, он летит в Россию, но
Такой страны на карте не дано.
Петр Первый, прорубив в Евро- окно,
Не знал, что этим домик раскачает.
Запуталась причин и следствий нить.
И некого винить и нечем крыть.
Родная речь летает по орбите.
Чужая муза головой качает.

ПАМЯТЬ

Ушедшим в вечность не хранится верность,
Ушедшим в вечность поживать на лаврах.
Земли шероховатая поверхность
Уже не помнит вздохи бронтозавров,

Песок не помнит поцелуи моря,
Покинувшего навсегда планету,
Вода не помнит вес людского горя,
За все эпохи канувшего в Лету.

Изгнанник забывает об отчизне
Под новым небом в золоте акаций,
И даже в нашей многоцветной жизни,
Увы, дано утратам примелькаться.

Споем же славу памяти короткой,
Что не наносит разуму урона
И ускользает в вечность легкой лодкой
Харона.

ИГОЛКА В СТОГЕ

Спаситель или бог,
Ты жертва кривотолка,
Мысль о Тебе — иголка,
А разум — сена стог.

Не лучше ли писать
Не о Тебе — о сети,
В которой на рассвете
Блестит живая кладь.

Не лучше ль жить в миру,
Не мудрствуя лукаво,
Осуществляя право
На волю и игру.

Нас завтра встретит день
Заботой, делом, словом,
Довольствуйся уловом,
Жемчуг ли, дребедень.

Готов в поту лица
Поэт мараить тетради,
Но не спасенья ради —
А красного словца.

Придешь, и я в гурьбе
Друзей спою осанну,
Но ждать Тебя не стану
И думать о Тебе.

**Жива звездой вода,
Будь то Нева иль Сена.
Иголка в стоге сена
Блится невидна.**

ЧАЕПИТИЕ С БРОДСКИМ

Бог на тепло наложил вето.
На февральских дорогах мокрая вата.
Тьма распространяется со скоростью света,
Игнорируя Ватта.

Лишь тапер-буран мелодию ночи
Напролет играет мольто виваче
По висящим в воздухе нотам с поче-
рневшими воробьями, один лохмаче

Другого. Спой мне, голубка-стужа,
Немудреную песенку о природе
Вещей, о месяце, севшем в лужу,
Об извечном круговороте

Человека в мечте. За воскресным чаем
Поболтать нам любо о запредельном
С мысленным собеседником. Воскресенья чаем
Вместе, а ужинаем отдельно.

В феврале в подворотнях все кошки белы.
В поддавки с замерзанием снег есть фора
Новым открытиям, так Изабелла,
Посылая невесть куда Христофора,

Награждала дукатами. Повесть века,
Даже многих веков. Но уже нет новых
Ни земель, ни монархов, ни человека
Ради страсти на риск готового. Казановы

Вывелись. И Бог с ними. Вернее, с нами,
Ибо нам посылается эта манка
Для стуженья страстей. Кумпола наполняются снами,
И сознание скатывается на санках

Вниз с горы. Затыкаются рты и щели —
У Всевышнего нет недостатка в вате,
Превращающей мозг в открытие Торричелли,
А предметы вокруг — в предметы в квадрате.

СТРАННОЕ ОБЛАКО

Человечество взяв на поруку,
На белом, как дым папирос,
Облаке по правую руку
От Бога сидит Христос.

Растерянность в тонком облике,
Седина в бороде:
Сидеть не легче на облаке,
Чем ходить по воде.

А внизу сапогами пыльными
Топчут люди свой шар земной.
Ждут появления сильного,
Кто им крикнет "за мной!"
Сдвинув седые бобрики,
План межпланетных трасс
Чертят и вверх на облако
Не поднимают глаз.

РЕПОРТАЖ С МЕТЛОЙ В РУКЕ

Осень листья кленов рвет и
Кружит,
В желто-красных кружевах
Лужи,
И все уже въезд в гараж и
Уже.

Листопад — апофеоз дви-
Женья,
В сердце боли нет, в желудке —
Жженья,
Без старения, без уни-
Женья
Превращение круже- в кру-
Шенье.

Буйство бронзы, сурика и
Охры
Поражает вдруг зрачок, и
"Ох ты!"
Чуть слетает с губ у янки с
Охты.

Листья, падая, не молят:
"Дай же!"
В их сгорании ни слез, ни
Фальши,
Их не мучает вопрос: "Что
Дальше?"

Осень — праздничный конец
Года,
Лет материи — ее
Кода,
Смерть для листьев это сво-
Бода.

Ветер рвет листву и по-
Ет о
Бесконечном празднике по-
Лета,
И пылает нимбом То-
Йота.

ЧУЧЕЛО ВРЕМЕНИ

**В основном мы живем для того, чтобы время убить,
Из него сделав чучело, мелкой трухою набить
Дум и чувств наших близких и дальних, друзей и врагов,
Лжепророков, тиранов, титанов, изгоев, богов.**

**Славься, чучело времени, стой до скончания лет!
Нами создан твой лик, твой язык, твой нестройный скелет.
Что могли, то и сделали, хоть матерьял под рукой
Был не камнем, не мрамором, даже не гипсом — трухой.**

**В ремесле не профаны, мы созданным очень горды,
Ждем от Господа манны иль хоть от толпы за труды.
По листам мирозданья с улыбкой улиткой скользя,
Каждый сам себе зданье, заданье, судьба и стезя.**

ОСЕННИЙ СТРИПТИЗ

Осенний лист, невольный лицемер!
Я узнаю себя в твоём обличье —
Есть что-то нарочитое и птичье
В попытках наших соблюсти размер —
Каков в наличье,
Мол, глазомер!

Ты скажешь, чувство меры — не порок,
И домосед счастливее скитальцев,
Но время ускользает из-под пальцев,
Но молодость уходит за порог.
А где пирог?

Важнее стали цели, чем процесс,
Подруги отцвели и пожелтели,
Слова любви, ужель вы в самом деле
Лишь юности восторженной эксцесс,
И чай в постели
Важней принцесс?

Ромашек тлен — гадали о любви,
Букеты рифм — дарили на прощанье,
Но не поймать — уж как там не лови! —
На ветер брошенные обещанья.
На смену глаголанию — молчанье.
Что ж, се ля ви.

**”Забудем чувств незрелых парадиз!” —
Звучит девиз заносчивого друга.
Но юности никак не выйти из
Воспоминаний замкнутого круга.
То памяти медвежья нам услуга
Или сюрприз?
Крути стриптиз
В окне, округа!**

БУМАЖНЫЕ ЛАСТОЧКИ

Наши стихи, что томятся по чердакам и подвалам
Пыльным грузом забытых дней и событий,
Когда-нибудь снова станут легки и разноголосы,
Как летящих птиц вереницы.

И какой-нибудь смысленный мальчик,
Не вдаваясь в содержание строчек,
Будет делать ласточек из старых тетрадок
И пускать чужую жизнь по ветру.

Но какой-нибудь другой смысленный мальчик,
Протянув навстречу ветру руки,
Позабудет о вопросах важных.
И, увидев выцветшие буквы
На хвостах у ласточек бумажных,
Вспомнит нас, трусливых и отважных,
Улетающих. Куда — неважно.

КОСМОС, ПЕТЕРБУРГ, ПЛЕЧО

Век космических странствий подходит к концу,
С мироздания срывается тайны личина,
Самовар и лучина
Нам теперь не к лицу.

Нас уже не страшат предсказания кудес-
ников, и не преследует стая шакаля.
Мы в стране Зазеркалья,
Но не видно чудес.

Хоть свободна земля от буранов и пург,
Хоть с сознания и с тела сорвало вериги,
Каравеллы и бриги
Не плывут в Петербург.

Ветер гонит по улицам тленья сырье,
Жизнь в горячке восторга рвет страсти на части,
Но, увы, не мордасти,
А на полном серье.

Вряд ли что-либо ждет нас и за поворотом.
Заведет через месяц метель канитель,
Но тесовым воротам
Не сорваться с петель.

Неужели и я в этом дне живодерском
Не венец мироздания, а голый король?
Черпать мудрость наперстком —
Незавидная роль.

**Как тут ни суетись, ни молись горячо,
Не допросишься, старче, у рыбки корыта.
Лишь надежда бела и открыта,
Как любимой плечо.**

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Марине

Давай залезем как прежде в спальный мешок
Собственной жизни — пусть стирают без нас в порошок
Друг друга вожди, пусть дожди берут города,
Мы не будем больше кричать ни "Нет, нет!", ни "Да, да!".

Все торговцы — воры, все дипломаты — лжецы,
Проповедников цель — человека взять под узцы,
Надоели фанатики и краснобай,
Нам отныне не надо ни кулича, ни мацы.

Спрячемся от сомнительных дружб в ватную благодать.
Нам никто ни в чем не помог, но каждый хотел урвать.
Чистой дружбы, увы, на свете почти не бывает,
А на сплетни и дразги чужие нам наплевать.

Друг для друга мы станем как каменный дом с трубой,
Мы туда не пойдём, куда люди идут гурьбой,
Кто не может заняться собственным делом,
Занимается классовою борьбой.

Мы за правое дело, ни за левое — не борцы,
Нас встречая, не крикнет хором толпа "молодцы!",
Нас с тобой при любом государстве и строе
Облапошат проныры и хитрецы.

Пусть же греет отныне нас собственных тел тепло.
Будем делать старинное дело, пока светло.
Слава богу, сейчас за стихи не сажают,
Значит, нам, по сравнению с некоторыми, повезло.

